

ЛЮБОВЬ ДАВИДЕНКО

ПРОКЛЯТАЯ ТОПЬ

Старые сказки о черной крови

Любовь Александровна Давиденко

Проклятая топь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70631194

SelfPub; 2024

Аннотация

История о девушке, которой суждено стать священным даром лунному духу. Но сначала придется пройти испытания одиночеством, разочарованием в любимом человеке, ну и, конечно же, испытанием новых чувств. Как понять себя, свои желания и выбрать правильный для себя путь. Даже если он ведет тебя к неминуемой гибели. Но это лишь начало истории. Истории о черной крови. И впереди еще будут новые проклятья и новая любовь.

Содержание

Глава 1 смутное время	4
Глава 2 Песнь о вечной жизни	36
Глава 3 сосредоточение сил	73

Любовь Давиденко

Проклятая топь

Глава 1 смутное время

Часть 1 что было...

Времена смуты всегда наполняли суеверия о волшебстве. О великих колдунах и о богах, хранящих наши жизни и души. Так Ярило – божественное солнце – вселяло в души людей веру в то, что следующий день, что будет наполнен солнечными лучами, принесет нам новые достижения, новое счастье, новый мир. И люди верили в то, что, пока светит солнечный свет, пока он играет переливами на легких волнах бегущей по своему руслу реки, жизнь будет иметь свое продолжение и будет мир на земле и будут наполнены добротой людские сердца и заботой о близких и любящих людях. Но, увы, это всё предрассудки, и, как прежде, мир вечным быть не может. Всегда найдутся люди, чье сердце, съеденное злобой и тоской, ненавистью к окружающим, захочет изуродовать, извратить чужое счастье. Сжечь дома, убить жен и детей, мужей и стариков. Сжечь всё дотла, уничтожить,

не оставить и следа. И так ведь бывало не раз. И так будет всегда! Ведь мы люди! Существа, склонные к злобе, к уничтожению, к разрушению самих себя, и, увы, наша суть неизменна, и из века в век земли будет покрывать огонь. И будут поля политы кровью, а не водой. И будут слышны крики страха и отчаянья вместо пения птиц. И, пока будет так, будет жить и черна кровь...

В те старые времена еще не было таких больших мегаполисов, съеденных выхлопными газами и едким дымом фабрик и заводов, убивающих нашу природу и атмосферу. Все-му тому, что поклонялись наши предки. И расстояния, что мы сейчас уже считаем близким, добираясь от дома до работы на другой конец города, раньше заменял дни, а не часы. Да и городом раньше считалось то, что сейчас принято называть в наши века центром, а вокруг него небольшие деревеньки да поселки, именами которых теперь зовутся спальные районы. Районы, в которых мы живем. И все эти поселки преграждали путь к главному городу, вынуждая армии врагов терять время и силы в пути и тем самым увеличивая время приближения своих войск, увеличивая шанс победы. Не то, что в наше время, когда города, разрастаясь, поглощают в себя даже маленькие города, что находились поблизости. И вот уже, еще не успев приблизиться к МКАДу, ты уже попадаешь в столицу страны. И что тут говорить, есть же люди, у которых в паспорте место жительства и город стоит «город в го-

роде». Простите за каламбур. И за свое женское виденье военных действий. Я всё-таки рассказываю истории о любви и проклятии, а не о войнах. В этом уж пусть разбираются знающие люди. Да и романов о войне достаточно, зачем их множить. Одним словом, «Я не люблю войну!», но и понимаю, что в мире жить невозможно. Всегда найдется кто-нибудь, кого не устроит или образ жизни, или правительство, или что-нибудь еще.

Но, в общем, о чем я? Ведь история моя совсем о другом. Она не связана ни с городами, ни с их ростом и именами. И произошла она очень давно. И так получилось, что в те годы шла война. Жестокая, беспощадная, утаскивающая в мучки ада всё живое. Армии врага сжигали города и деревни в желании завоевать всю страну. И так ведь было не раз.

Недалеко от окраины леса, чуть дальше зеленью выстеленных земель, что изредка разрезали собою берёзки, находилась тягучая топь. Зеленое, мрачное болото, заросшее колючими ветками кустарников и торчащими наружу корнями дубов, тянулось длинной широкой полосой, занимая обширную часть леса. А на окраине того леса стоял небольшой городок, чье название утеряно теперь навек. Люди боялись ходить в тот лес, боялись увязнуть в болоте, остаться там навсегда, хотя изредка некоторые девушки, набираясь смелости, ходили к топи собирать чернику и прочие ягоды, растущие у кромки болот.

В тот год в город пришла беда. И черной тучей армия

врага подошла к деревянным стенам. И приняли люди бой, но не хватало им силы, чтобы победить. Гибли воины, погибали женщины, взятые в плен, и ярким пламенем вспыхивали деревянные крыши, и завладевал дым небом, поглощал солнце, опускал на город тьму.

Но в момент, когда уже все силы были на исходе и уже не было веры в спасение, и оставалось лишь ждать поражения, с топких болот пришел человек, облаченный в черные одежды. И сказал человек князю, что знает, как одолеть темную армию, что знает путь к победе и спасению. И тогда человек заключил с князем договор и провел он оставшихся в живых через топи к старому, выстроенному из камня двухэтажному дому, а сам, вернувшись в город, предстал перед армией. Главарь злодеев посмеялся тогда и, вызвав человека на бой, казалось, победил его на мечях, и сбежал человек, бросился прочь к топям, стараясь перебраться через болото. Армия, что ринулась следом, уже нагоняла, ловко перебираясь через топь. Но вот уже где-то посередине болота человек остановился, и, подняв кверху руки, лишь улыбнулся, и тогда все увидели, как бешено блещут его глаза, и в тот же миг гнилушки засияли ярким светом, и опустилась на болото тьма. А когда человек опустил руки вниз, твердая земля словно растаяла под ногами врагов, поглощая их в тягучую липкую топь. В течение нескольких минут болото поглотило враждебную армию без остатка, словно их не было вовсе. И смогли спасенные горожане вернуться в свой город, вос-

становить дома. И понял тогда князь, что заключил договор с очень сильным колдуном и что расплата за спасение будет жестокой. И оставалось лишь подчиниться его воле, смириться с грядущим наказанием.

И тогда, наполненный страхом, князь предложил колдуну награду за спасение, готовый дать ему столько золота, сколько тот попросит. Но колдун отказался от денег. И потребовал он в награду иного вида богатство. И наказал колдун князю приводить к едким топям болот прекрасную, нетронутую девушку каждые пять лет. И должна она будет, облеченная лишь в белую, тонкую рубашку, пересечь болото и войти в тот самый, сделанный из камня, дом и отдаться воле колдуна без остатка. И станет она его служанкой на пять лет, до тех пор, пока не пройдут пять лет и настанет время новой жертвы, и новая девушка займет её место. И уснет она тогда вечным сном, и поглотит её едкая топь болот.

Страшно было князю! Отдавать своих дочерей, прекрасных дев, злобному колдуну, отправлять на верную гибель. И страшно было представить, что будет происходить с ними эти пять лет. Какие еще извращенные фантазии мог таить в своих мыслях этот странный человек. Но что делать? Человеческий страх не раз подвергался подобному испытанию, и не каждому удавалось его побороть. Вот так страх и князя, и всех остальных заставлял молчать, и никто не возразил, никто не встал против колдуна, согласились на страшный обряд. И стали они отправлять, дев прекрасных на ги-

бель каждые пять лет, как и требовал колдун, до тех пор, пока в один прекрасный день не случилось невероятное. Дева, что была послана на смерть, вернулась в город. Она рассказывала всем, что колдун её прогнал. Сказал, что он больше не хочет жертв, что болото уже насытилось досыта и что они могут спокойно существовать еще сто лет. А когда пройдет сто лет, он вернется и снова потребует своё. Он сказал, что люди сами поймут, когда болота позовут к себе. Потребуют плоть и кровь.

Ту девушку казнили, повесили на старом дубе у болота. Вырываясь, она кричала. Стремилась вырваться из цепких рук мужчин и убежать, скрыться где угодно, даже в тех самых болотах, что так сильно боялась всегда. Но участь была неизбежна, и тяжелым грузом петля упала на её тонкую шею, и, медленно сдавливая кожу, впивалась грубыми нитями, оставляя красные кровоточащие следы. Девушка молила о пощаде, о прощении, продолжая надеяться на спасение в изгнании, но всё тщетно! Толстая верёвка дернулась, натянувшись струной. Она всхлипнула! Лишь миг. Резким треском сломались шейные позвонки.

И что вело их? Наверное, сознание того, что их время истекает и они уже не увидят новое пришествие колдуна. А что до поколения, так пусть думают о себе сами. Слишком уж страшно им было вспоминать о проклятых ритуалах колдуна. Но всё же люди помнили пророчество и ждали. Они ждали, когда колдун вернётся и снова потребует возвращения

ритуала.

И вот когда прошло сто лет, начались происходить странные вещи. То медведь в город забредёт, да кого-нибудь убьёт, то волки всё стадо овец задерут. То лиса кур передушит. А потом люди стали пропадать. Пойдет ребёнок в лес по грибы да по ягоды, да домой не вернётся. День нет, второй. Искать пойдут. Аукают, аукают, зовут. Да найти не могут. Пропал, будто и не было вовсе. И сказал тогда самый древний из рода княжеского, что настало время. Что неспроста пришли бедствия в их город. Что это всё – знаки колдуна. Что он снова свою плату требует за те сто лет, что провели люди в безопасности, без войны, без потерь.

И возродился старый обряд. И начали люди снова отправлять молодых дев через болото. И снова белый цвет тонких рубах, что казался мрачным загробным саваном, стал самым страшным образом для молодых девушек.

Часть 2 Что стало...

Так началась новая темная эра. Время страха перед грядущим событием. Настало время, когда матери начинали оплакивать своих дочерей уже в момент их рождения.

Первой «невестой», так называли люди девушек, что отправляли колдуну, стала старшая дочь князя – Мирослава, как было велено предками. Дабы отдать долг колдуну и показать народу свою верность и веру в то, что девушки, об-

реченные на гибель с другой стороны болот, несут спасение всего города.

И жертва, правда, оказалась ненапрасной. Нападения лесных тварей прекратились, и люди снова зажили спокойной жизнью. И лишь иногда вспоминая Мирославу, считали годы в ожидании новой кровавой свадьбы.

Вот уже четвёртый год шел к завершению, и пришло время выбора новой «невесты». Новой невинной, юной красавицы, готовой пересечь болото, чтобы продлить спокойствие в городе еще на пять лет.

Выбор пал на дочку старого одинокого травника. По иронии судьбы, девушку тоже звали Мирослава. —Моя маленькая Мира! – так называл её отец, и князя это приводило в бешенство. Он уж очень хотел её гибели. Быть может, потому, что она напоминала ему его дочь. Или, может, потому, что сам был не прочь обладать её юным телом. Ведь Мира была очень красива. Её длинные шелковистые волосы цвета льна, заплетённые в тугую косу, будоражили его воображение. Обволакивая тонкими волосками узкую длинную шею, слегка щекотали бледную кожу. Пухлые розовые губки словно умоляли впитаться в них своими губами и замлеть от долгого поцелуя. А глаза! Ох! Сколько он видел в них похоти, наглости, глубины быстрых голубых вод могучей реки. Изредка он любил, спрятавшись за широкой кроной деревьев, наблюдать за нею. За тем, как, плавно пригнувшись, она присаживалась на корточки и собирала тонкими пальцами рук ягодки зем-

ляники. Ягодку за ягодкой аккуратно укладывая их в небольшую корзинку, периодически отправляя земляничку в рот, придерживая её двумя пальчиками. И как же ему хотелось в тот момент стать той самой земляничкой и коснуться её губ. Но оказалось, что князь был не единственным, кто любил наблюдать за Мирой. Было и еще одно существо. Дух лесной, очарованный красотой девушки, мечтающий обвить своими руками, словно ветвями дикого винограда, её тонкую талию. И получилось так, что накануне обряда Мира вот так же ушла в лес на рассвете за грибами и, вернувшись уже под ночь, вся помятая и измученная, рассказывала странную историю, что с ней произошло.

Она рассказывала о страшной большой птице, что напала на неё, и что эта птица, огромных размеров филин, обернувшись мужчиной, силой овладел ею, измучил и бросил на лесной опушке. Как она, очнувшись, долго не могла поверить в произошедшее, не могла набраться смелости и вернуться в город. Но что было делать? Куда идти? Она не знала ответов на эти вопросы, так же, как и на то, кем было то существо, что так жестоко над ней надругалось. И она плакала, умоляя простить её, словно она была виновата сама в том, что с нею произошло.

А когда настало время обряда, стало известно, что Мира беременна, и уже было трудно скрыть хоть и небольшой, но уже сформировавшийся животик. Отец её к тому времени тяжело захворал, умер, и она, оставшись одна, решила

отречься от людей, в общем, так же, как и люди отреклись от неё. Князь изгнал Миру из города, запретив ей приближаться к людям, что всё равно украдкой ходили к ней за травами.

Обосновавшись в заброшенном домике лесника у дальней лесной опушки, Мира, наверное, впервые почувствовала себя свободной от всех страхов и волнений, от того проклятья, что пожирал город. И, наверное, впервые её не интересовало, кто же станет новой «невестой» колдуна с болот. Опираясь на палочку, она прогуливалась по кромке леса, собирая грибы и ягоды, засушивая их на солнышке, заготавливая запасы на зиму.

А по весне, в начале мая, она родила дочь и, скукожившись от нестерпимой боли, она пряталась под ветками плакучей ивы, что скрывала их от любопытных глаз. Радостно улыбаясь измученной улыбкой, сжимая в руках маленький комочек, внимая каждому всхлипу и бурчанию, назвала дочь Ивой.

Солнечные дни наполняли Миру новым счастьем и радостью при каждом новом достижении малютки. Она и собирала полевые цветы, и, украшая ими кроватку, напевала мелодию колыбельной, что пела ей мама в детстве. И сожалела она лишь о том, что не могла никак вспомнить слов. Но и это не мешало укладывать малютку спать. — Вот так, моя милая. Пусть тебе приснятся сладкие сны! – промурлыкала Мира, прикрыв малютку одеялом.

– Чудесный голос. – Послышался мужской голос, и Мира, обернувшись, посмотрела в сторону открытого окна, но, ужаснувшись, отшатнулась, сделав несколько шагов назад, закрыв ладонью рот, словно боялась издать звук, разбудить дочь. —Что такое, милая? Ты будто призрака увидела? – ухмыльнулся мужчина, ловко запрыгнув в окно, приблизился к женщине почти вплотную и, отодвинув прядь запутанных светлых волос, оголил тонкую шею. —Ты всё так же прекрасна! – на вздохе проговорил он, восхищаясь. И, приклонившись, не отрывая взгляда от её напуганных глаз, приподнял ладонь девушки, слегка коснувшись губами бледной кожи. Но вдруг еле слышное чмокание отвлекло его внимание, и мужчина снова выпрямился, вытянув шею, он заглянул за спину женщины. —А что у нас здесь? – проговорил он переполненным любопытства голосом, ухмыльнувшись и отодвинув Миру, приблизился к колыбели, взглянув на ребёнка, внимательно разглядывал, словно изучая.

– Не подходи к моей дочери! – слегка повысила голос Мира, сделав шаг вперёд, но, резко остановившись, затряслась.

– Разве это не мой ребёнок? – снова ухмыльнулся мужчина, продолжая разглядывать младенца, опустил в колыбель руку и, слегка коснувшись кончиками пальцев щечки малышки, сказал: Она очень похожа на тебя. Такая же красивая, кроткая, нежная. Так и хочется обнять, и приласкать! – Говорил он, не отрывая взгляда от ребёнка. —И всё же это мой ребенок. Её запах иной. Не такой, как у людей. Ты сама

это знаешь. От неё пахнет кровью, не молоком. Моей кровью.

– Я не отдам тебе дочь! – Мира сделала еще один шаг вперёд, нервно дернувшись. Её голос осип, задрожал, прерываясь сухими нервными нотками.

– Даже в мыслях не было. – Снова улыбнулся мужчина, всё так же разглядывая ребёнка. — Я лишь хотел её увидеть и тебя. – Вздохнул тут он глубоко и как-то резко загрустив, отошел от колыбели, вернувшись к окну. Казалось, он хотел улететь прочь, обернувшись птицей, но не мог. Словно что-то его держало, не позволяло расправить крылья.

– Скажи! Ты и есть тот колдун, что держит в страхе весь город? – тихо, почти неслышно произнесла Мира и, словно стараясь не смотреть на мужчину, прятала глаза. Опустив взгляд, она приблизилась к колыбели и, окинув взглядом сладко посапывающую дочь, слегка улыбнулась нежной и кроткой улыбкой.

– Нет! – немного равнодушно и твёрдо ответил мужчина, словно заставляя женщину поднять на него глаза. И Мира, словно подчинившись, обернулась, окинув его взглядом, полным тоски и непонимания. Она разглядывала его лицо, такое мужественное и в то же время достаточно юное, отчего его возраст становился стертым, неразборчивым. Большие карие глаза переполняла пустота и безразличие, а волосы, что местами съедала седина, клоками торчали во все стороны. — Я лишь дух лесной. Демон, не более. – Тогда муж-

чина облокотился о подоконник, всем своим видом показывая, что собирается покинуть её дом, так же, как и зашёл. Но не торопился, смотрел на неё, казалось, выжидая момента, некой реакции или поступка. Не отрываясь от её взгляда, он ухмыльнулся, заметив, как заиграла легким блеском слезинка на её глазах. — Что-то ещё спросить хотела?

– Я лишь хотела понять, почему ты так поступил? Почему со мной? Зачем мне жизнь покалечил? Опозорил? – в тот миг голос Миры задрожал, наполняя нервной судорогой кожу на лице.

– А была бы у тебя жизнь, если бы не было меня?! – мужчина разозлился и, спрыгнув с подоконника, быстрым шагом подошел к ней. — Если бы не я, твоё тело уже давно бы жрали черви. А так ты жива, ты всё так же красива, и ты мать самой прелестной малышки во всём мире! – тут он успокоился и, глубоко вздохнув, слегка коснувшись кончиками пальцев руки её подбородка, приподнял голову, словно упрасывая посмотреть в его глаза. — Я наблюдал за тобой так же, как он. Я любовался твоей красотой. Восхищался твоими повадками. Тем, как ты, наполняясь стеснением, словно боясь, что кто-то заметит, засмеёт, благодаришь лес поклоном за те дары, что он тебе давал. Я знал, что князь так же, как и я, мечтал коснуться твоей кожи, утонуть в синеве твоих глаз. Но я видел в нём лишь похоть, не более. О связи с безродной могла ли быть речь? Я знал, что он лучше отдаст тебя колдуну, нежели иному другому мужчине. Ведь он не мог даже

представить себе, что ты можешь испытать счастье в объятиях другого мужчины. Стать чьей-то женой, матерью. И когда я прочел в его мыслях это, я не сдержался. Я знал, что князь уже не сможет принести тебя в жертву, ведь колдуну нужна девушка с чистым, наивным сердцем. С ещё не израненной душой, не изуродованной муками любви, не извращенной. Главное для тебя, для меня – то, что ты жива. А те, кто тебя изгнал, не стоят и крохотной твоей слезинки. Так забудь о них, изгони из своих мыслей и из своего сердца! Живи ради дочери! – Тогда умолкнув, мужчина улыбнулся слегка, стерев с лица Миры, тянувшиеся тонкими струйками к уголкам губ слёзы, и, крепко обняв, прислонил её голову к своей груди, провёл ладонью по блестящим светлым волосам. —Я бы хотел попросить у тебя о малости. О крохотной услуге! – нежно и ласково тянулся его голос звонкой игривой струной. —Позволь мне хоть изредка видеть дочь... и тебя! – еще нежнее протянул он, немного оборвав фразу.

– Я позволяю! – тихо ответила Мира, прижавшись к крепкой мужской груди, обвивая его крепкий стан руками. —Я позволяю тебе всё, что бы ты мог возжелать, приходя в мой дом! – тогда она приподнялась, слегка коснувшись кожей губ его щеки, нежно улыбнувшись, и мужчина, улыбнувшись в ответ, впился губами в её губы. И, крепко прижав к себе, поднял на руки, сделав пару шагов, и, словно уронив на кровать, забрался сверху, нависая, отодвинул прядь растрепанных, запутанных светлых волос, всосавшись губами в неж-

ную гладкую кожу тонкой шеи, смакуя каждое прикосновение.

– Я схожу с ума от твоего запаха, от твоих кокетливых, наивных глаз! Я люблю тебя! – прошептал он, снова поцеловав её в губы.

– Постой, постой! – останавливала его Мира, нежно касаясь пальцами рук его лица, словно заставляя оторваться, больше не касаться её кожи. —Сперва скажи мне своё имя! Я хочу знать твоё имя! – шептала она, касаясь пальцами его губ, продолжающих бродить по бледной коже.

– Я рождён из земли и огня в те века, когда имена не имели значения. Я лишь дух, древний, сильный, жаждущий снова отведать человеческой крови, желающий завладеть наивной, невинной душой. – Шептал он ей на ухо, прижавшись своею щекой к её щеке. —Но тебе не надо бояться, я не причиню тебе вреда.

– Совсем имени нет? – еще тише произнесла Мира и, слегка улыбнувшись, обвила мужчину руками. —Теперь понятно, почему такие существа, как ты, живут вечно.

– Ну, это как посмотреть. – Улыбнулся он в ответ и, наконец, оторвавшись от её кожи, успокоился, присев на краю кровати, подогнув одну ногу под себя. —В мире нет ничего вечного, и всегда всему приходит конец рано или поздно. И мне тоже. Не знаю, когда и где она меня настигнет, но это случится обязательно.

– Но как-то ведь тебя называют другие, подобные тебе? –

Мира подползла к нему и, обвивая, словно змейка, прилегла к нему на колени, вытянувшись и коснувшись руками его головы, погрузив пальцы в пряди густых, твердых, как проволока, волос, разглядывала узковатое лицо. Наполненные непонятным блеском почти стеклянные, как у кукол, пустые карие глаза. Его слегка расширяющиеся при дыхании ноздри. — Ты же не единственный такой на белом свете.

– Филин. – Ухмыльнулся мужчина, пожав плечами. — Этим существом я оборачиваюсь, чтобы скрыться от любопытных глаз. Слиться с лесом, раствориться в нём.

– Значит, филин! – улыбнулась в ответ Мира, крепче обняв мужчину. — Вот и имя тебе нашлось.

– А меня тут вдруг разобрало любопытство... – проговорил мужчина, приподняв женщину и усадив её поудобней к себе на колени. — Как ты назвала нашу дочь? Ведь ты уже дала ей имя?

– Ива. – На вдохе произнесла женщина, положив голову мужчине на плечо. — Под этим деревом она родилась.

– Ива. Красивое имя! Лесное и нежное. – Снова слегка улыбнулся мужчина и, взяв за руку Мирославу, поцеловал её ладонь. — Ты словно чувствовала её уникальность, особенность. — Тогда он отпустил её руку и, сняв с колен, поднялся с кровати, казалось, собрался уходить, но что-то, казалось, его еще держало, заставляя замереть на месте посередине комнаты.

Теперь Мирослава не боялась поднять на мужчину глаза,

разглядеть как следует его стройную подтянутую фигуру, его немного сухое лицо, спадающие до плеч торчащие в разные стороны черные, изъеденные тонкими линиями седины волосы. —Филин. — Окликнула его Мира, заставив обернуться. — Не уходи... — протянула она, стыдливо опустив глаза. — Останься с нами. Со мной хоть на чуток.

— Ты правда этого хочешь? — удивлённо спросил мужчина, не двинувшись с места, на что женщина ответила кивком, почти незаметно подняв правый уголок рта.

Прошло восемь лет с тех пор, и с каждым годом Ива становилась всё больше похожа на свою мать. Те же ровные черты лица и тот же слегка задранный кверху носик и ясные, словно небо, голубые глаза. Вот только кудри волос наполнились чернотой с легким отблеском белых, еле заметных прядей.

Она любила гулять в поле возле их с мамой домика и, собирая сухую поросль полевой травы, мастерила себе куколок и, играя в них, представляла себя взрослой, красивой и очень нужной кому-то, кроме её матери. Быть может, потому что ей было очень одиноко. Или, быть может, потому что её никто не замечал, а городские ребяташки в шутку называли её чучелом и не разрешали с ними играть. От чего она еще сильнее осознавала то понимание, что дано не каждому в её годы. И она уже не старалась бороться, понимая, что это бессмысленно. Что она — изгой.

— Ива, милая, ты что тут сидишь совсем одинокая? — проговорил Филин, приземлившись рядом с девочкой, полно-

стью погрузившись в полевую высокую траву.

– Просто не хочу никого видеть. – Нахмутив носик, ответила девочка и, всхлипнув слегка, прижалась к мужчине, ткнувшись носом в белоснежный рукав его рубахи. — Дядюшка Филин, скажи, почему люди такие злые? – спросила вдруг она, отстранившись от мужчин и принявшись набирать в пучок траву, соорудила новую куклу.

– Не знаю! – пожал он плечами в ответ. — Видно, это в них заложено природой. Остается только пожалеть их.

– Понятно. – Глубоко вздохнула девочка, продолжая сооружать новую куклу, еще одну, даже не заметив, как мужчина, поднявшись на ноги, пошел к домику.

– Здравствуй, Мира. – Тихо произнёс мужчина, проскользнув в небольшое помещение сквозь приоткрытую дверь. — Я скучал по тебе. – Подошёл он вплотную к женщине и протянул ей букет из полевых цветов.

– Не похоже! – хмыкнула в ответ Мира, положив букет на стол, продолжая мелко резать свежую зелень одуванчика.

– Ива меня дядюшкой называет. Почему? Ты ей так и не сказала, что я её отец? – немного начиная злиться, проговорил Филин, словно заставляя своей интонацией Миру отвлечься от своих дел и обратить на него внимание, поговорить. — И поставь, наконец, цветы в воду, они же умирают!

– Она бы, может, назвала тебя отцом, если бы ты появлялся чуть чаще, чем пару раз в полгода! – более грубо ответила Мирослава, положив нож на стол и достав с верхней полки

кувшин, налила в него воды из большой деревянной бочки, что стояла возле выхода, и, пересекая комнату, слегка задела мужчину плечом, опустила стебли цветов в воду, поставив кувшин на столе у окна. — Ты обещал, что не покинешь нас! Ты обещал, что будешь заботиться и защищать нашу дочь, а сам исчезаешь! Я не хочу больше так жить. Понимаешь! — громко говорила она, стараясь сдержать свой голос, что желал перерасти в крик. — Если мы не нужны тебе! Если ты не хочешь жить с нами как с семьёй, любящей тебя всем сердцем, то уходи насовсем и не морочь голову! Я не девочка уже, я стабильности хочу!

— Я понял! — глубоко вздохнул он и, сильно обняв женщину, закопался носом в её светлые кудри. — Я совсем забыл, что значит человечность, что значит любить, забывая себя. Прости меня, родная! — еле слышно говорил Филин, поглаживая её волосы, словно успокаивая. — Я прошу тебя, дай мне два дня. Всего лишь два дня, и я приду к вам навсегда. Я назову тебя женой и никогда. Слышишь?! Никогда больше не уйду!

— Если бы ты знал, как сильно я тебя люблю! — вздохнула она, успокоившись, обвила мужчину руками. — Но, если ты меня обманешь. Если ты не придёшь ко мне через два дня, то сделай одолжение, забудь ко мне дорогу! — А мужчина в ответ лишь улыбнулся слегка, крепче сдавив её в объятьях на прощанье и отстранившись слегка, обернулся большим филином. Расправив крылья, словно разминаясь, встрепых-

нулся, немного распушив перья, и улетел.

Этим днем она не могла найти себе места, периодически бросая в сторону леса печальный взгляд. Второй день уже истек наполовину, а Филина все не было. Она вышла из дома, облокотившись плечом о ствол дерева, что держал навес над крыльцом, наблюдала за тем, как беззаботно играла в поле её дочь.

Наполнив воздух дорожной пылью, что тянулся шлейфом, поднимаясь выше и рассеиваясь над порослью полевой травы, возле её дома остановились лошади. — Эй, травница! Принеси-ка воды! — мужской твердый голос привлёк её внимание, и Мира, приподняв глаза на лошадей, принялась разглядывать их наездников.

— Мирослава? — удивленно произнёс второй и, спрыгнув с коня, подошел ближе к женщине. — Как ты изменилась! Похорошела! — говорил он, восхищаясь, а женщина просто смотрела на него, разглядывая богатые одежды. — Как прежде прекрасна!

— Я не понимаю, о чем вы говорите, мой князь. — Тихо проговорила Мира, опустив глаза и отстранившись от мужчины, вошла в дом и, зачерпнув металлической кружкой воды из большой бочки, развернулась, чтобы отдать её князю.

— Какая ты хитрая! — снова проговорил князь, войдя в дом следом за женщиной и прижавшись вплотную грудью к её спине, коснулся ладонью её щеки. — Заманила меня в дом. Такая соблазнительная у тебя, очень нежная кожа!

– Что Вы, князь?! – голос Миры задрожал тонкой струной, а по телу пробежал холодок, от которого всё тело свело, словно судорогой. —И в мыслях не было...

– Не надо строить из себя недотрогу! – князь продолжал настойчиво обнимать женщину и, развернув её к себе лицом, впился в пухлые губы, заставив её тело сильнее дрожать, от чего Мира, выронив кружку из рук, что с характерным звоном ударилась о деревянный пол, а вода разлилась по полу.

– Что Вы делаете, князь? Прекратите! – стараясь оттолкнуть от себя мужчину, громче проговорила женщина, сдерживая его руками на расстоянии, не позволяя ему снова впиться в её губы. – Не надо.

– Ты безумно красива! – не сдавал своих позиций князь. – Хочешь, я в жёны тебя возьму? Ты станешь княгиней. Весь город падёт перед тобою на колени! – наполнялся страстью мужчина, с силой сдавливая запястья женщине, стараясь прижать её к себе, слиться с нею. —Иди же ко мне!

– Я сказала – нет! – выкрикнула она, вырвавшись из его рук и замахнувшись в порыве влечь пощёчину, но резкий удар оглушил её, и, упав, Мира ударилась головой об угол стола.

– Что ты сделал?! – недовольно проговорил князь, бросив суровый взгляд на своего спутника.

– Эта ведьма хотела Вас ударить, мой князь! – тихо ответил второй мужчина и, нагнувшись над женщиной, молча и абсолютно без эмоций наблюдал, как медленно расплза-

ясь в стороны, образуя багрового цвета лужицу, из раны течет кровь. — Нам пора уходить. — более громко сказал он, выпрямившись и поспешно покинув дом. Князь вышел следом.

Солнце медленно опускалось, озаряя ярким заревом небосвод, отражаясь на стройных колосьях пшеницы, наполняя их ещё зелёные тонкие стволы оранжевым отливом. Длинными полосами тени от деревьев тянулись к домику, словно что-то зловещее желало в нём поселиться. — Что ты сидишь здесь? Почему совсем одна? — проговорил Филин, появившись словно ниоткуда, присев на одно колено перед с грустью опустившей в пол глаза девочкой. Она молчала и, казалось, совсем не обращала внимания на мужчину, погруженная в свои мысли. — Ива? — снова окликнул её мужчина, и девочка, подняв покрасневшие, словно от слёз, глаза, заплакала, поднявшись со ступеньки крылечка. — Ива, где твоя мама?

— Мама в доме, ей нехорошо. — Тихо ответила девочка и, отшатнувшись в сторону, пропустила мужчину в дом.

Филин вошел в дом, медленно вышагивая по комнате, продвигаясь вперед, а Ива, аккуратно пробравшись следом, остановилась возле бочки с водой. — Мира? — прерывисто произнес мужчина, обнаружив бездыханное тело женщины на полу. — Что же случилось с тобой, любимая моя? — присел он рядом с телом на колени, слегка коснувшись пальцами руки светлых волос. — Вот я пришел к тебе, как обещал, и всё

равно потерял. Я опять тебя потерял. Моя маленькая, хрупкая девочка. – Тогда он поднял тело Миры на руки и вынес её на улицу, а после, вернувшись, вытер с пола кровь старой тряпкой, что валялась в дальнем углу у печки, и, взяв лопату, снова ушел.

Ива издали наблюдала, как мужчина, выкопав яму недалеко от леса под старой берёзой, погрузил в неё труп её матери, а после, закопав, вернул лопату на место.

– Ты прости меня, Ива! – проговорил он, обняв девочку, усадив её на кровать. —Мне надо уйти на время. Появились неотложные дела. Я обещаю, что найду того, кто способствовал смерти твоей матери, и накажу его. Ты не бойся одиночества, не бойся темноты и лесных тварей. Я буду оберегать тебя. Буду всегда рядом, даже если меня не будет видно! Не забывай этого! – Тогда, поцеловав девочку в лоб, мужчина покинул дом. Исчез в ночной темноте, будто его и не было вообще. Ива лежала на кровати, накрывшись с головой одеялом, и никак не могла уснуть, а в голове всё рисовались изображения прошлого дня. И всё стоял перед её глазами тот жуткий стеклянный взгляд матери, померкший и неживой. И красные пятна крови, казалось, до сих пор оставались на полу.

Часть 3 Что будет...

И прошли с тех пор годы, сменяя друг друга. Ива росла и всё хорошела, стараясь забыть обо всём том, что случи-

лось с нею и с её матерью. Она всё так же гуляла по полю, рвала различные травы и собирала их в небольшие пучки, вывешивая их на крыльце, словно стараясь отпугнуть незваных гостей. Филин навещал её всё реже и реже с тех пор, как она осталась одна, и Ива уже начинала считать себя ненароком заброшенной и забытой всем миром. Но и это, казалось, не могло сломить её сильный дух и веру в саму себя. Но всё оказалось столь же несбыточным, как и бывает иной раз, когда уже и думать забыл об остальных людях и о вреде, что они могут вдруг принести.

Как заботливо и нежно согревало уже заходящее солнце, наполняя заревом всё вокруг, бросая яркие рыжие отблески, отражаясь на смуглой, загорелой коже. Ива любила прогуливаться по заброшенному полю в такие теплые вечера и, напевая еле слышно нежную мелодию, собирала ромашки и полевые гвоздики, выдирая некоторые с корнем и отгрызая стебельки зубами. После, наткнувшись на достаточно обильную поросль кукушкиной слезы, травы с резными сережками, vessящими россыпью на тонких ниточках стебельков, — Вот повезло! — промурлыкала девушка, улыбнувшись и положив большой букет полевых цветов на землю, достала из кармана платья нож. И, выдернув всю поросль с корнем, присела на землю возле букета, принялась обрезать их корни, укладывая к себе на колени, а макушки отправляла в букет, после чего, достав из того же кармана белую ткань, завернула в неё корешки, убрала их в карман вместе с ножом. Поднявшись

с земли, она, нагнувшись, подняла букет и побрела дальше по полю, периодически закапываясь носом в букет.

— Это что за красотка? — спросил один из молодых людей, шедших в город по широкой проселочной дороге, что тянулась сквозь поле, по которому гуляла одинокая девушка. — Я её не встречал раньше!

— Ясное дело! — хмыкнул другой парень, что был чуть старше первого, с длинными каштановыми волосами и ярко выраженными скулами. — Это ж травница. К ней только девки ходят за настоями всякими, таких дураков, как ты, привораживать! Её мать, говорят, была еще та ведьма, понесла от демона лесного.

— А ты тогда её откуда знаешь? — немного удивленно спросил другой из компании молодых людей.

— А он наравне с бабами травками балуется! — захохотал еще один.

— Да не знаю я её! — отмахнулся молодой человек. — Видел пару раз и только! — еще более недовольно ответил он, окинув девушку наполненным призранием взглядом, двинулся вперед. — Пошли, уже почти стемнело.

— А я все же пойду, познакомлюсь! — молодой человек, убежав в поле, быстро двигаясь вперед, раздвигал руками зелёные колосья.

— Тебя ждать никто не будет! — голос старшего наполнился еще более яркими нотками недовольства. Не останавливаясь, он двигался к городским воротам, подзывая остальных.

ных небрежным взмахом руки.

Тогда молодой человек, что пробирался сквозь поле, вдруг остановился и, обернувшись, посмотрел на друзей. — Как будто я без тебя дороги не найду! — хмыкнул он, улыбувшись, продолжив свой путь к девушке, что всё дальше углублялась в поле. —Смотри, дружище! Приворожит тебя ведьма, самого себя забудешь! — смеялись остальные ему вслед, исчезнув за широкими воротами города.

Он быстро шел, уже запыхавшись, тяжело дышал, вышагивая по полю, пробираясь сквозь цепляющиеся за ноги липкие стебли люцерны, что также называют «мышинным горошком», наконец догнал девушку. —Привет! — задыхаясь, проговорил парень, но девушка, казалось, не замечала его, игнорировала. —Меня Святослав зовут, а тебя? — настойчиво шел за девушкой парень, но она снова проигнорировала его и, лишь прибавив шаг, свернула в сторону, следуя по направлению к своему домику. —Да постой же ты! — снова догнал он девушку, схватив за руку, заставив остановиться и всё-таки обратить на него внимание.

— Что тебе нужно? — сухо ответила девушка, окинув мужчину холодным, безразличным взглядом. Внимательно разглядывая его еще такие юные черты лица, обрамленные каймой длинных русых прямых волос, стройное тело, еще не испорченное хмельными напитками, в чистых и новых, богатых одеждах. —Я только женщинам настои и травы продаю.

— Я и не думал что-то покупать! — пожал он плечами, не от-

пуская её руку, крепче сжимая пальцы.

– Зачем тогда пришел? – все также без эмоций говорила девушка.

И тогда молодой человек отпустил её руку, слегка улыбувшись. — Просто увидел тебя на поле, такую красивую и беззаботную, и мне очень захотелось познакомиться с тобой поближе. Я же даже имени твоего не знаю, хотя и слышал много разных вариантов твоей жизни, – говорил он так, словно пел песню, нежную, протяжную.

– Не смешная шутка! – хмыкнула девушка и, сделав шаг, поднялась на ступеньку крылечка. — Не по возрасту совсем! Должно быть стыдно! Хотя такие, как ты и твои дружки, вряд ли знают, что такое стыд!

– Я не шучу вовсе! – ринулся он следом за девушкой и, войдя в её дом, снова схватил за руку. — Я правду говорю! И насмеяться над тобою я не собирался! Ты мне правда нравишься! – и, подтянув девушку к себе, обнял, крепко прижав к себе, всосавшись в её губы. Но в ответ получил лишь пощёчину и оскорбления. — Но почему? – удивленно произнёс молодой человек, неожиданно поняв, что очутился на улице и что перед ним захлопнули дверь. Но больше его волновал отказ. Как она могла отреагировать подобным образом, видно, она совсем не такая, какой её описывали его друзья. — Теперь я остался один у окраины леса! Тебе-то что, совсем не стыдно? – громко проговорил он, стукнув кулаком в дверь.

– Ладно, заходи! – недовольно проговорила девушка, открыв дверь и впустив мужчину в дом. — Спать будешь здесь! – указала она на валяющиеся на полу в углу мешки с сушёными травами и, кинув ему покрывало, что было растелено на кровати, задула свечу. — Даже не думай ко мне ночью прилечь. Проклянута! – хмыкнув, сказала она и легла спать, а когда проснулась утром, незваного гостя уже не было, и лишь сложенное покрывало, лежащее на столе, напоминало о нем.

И каждый день она старалась не вспоминать о нем, выбросить из головы, но, как назло, его образ стоял перед глазами. Всё сразу стало каким-то пустым и ненужным. Она уходила из дома на весь день и, собирая целебные растения в пышный букет, приходила к речке и, усевшись на берегу, часами с грустью рассматривала своё отражение. Может ли быть правдой то, что она понравилась тому человеку, или это лишь насмешка? А если и вправду понравилась? То почему он так и не пришел к ней, почему больше не захотел ее видеть? И ненароком она проклинала себя за то, что так грубо с ним говорила, за то, что выгоняла из дома, и за то, что уложила спать на пыльных мешках.

Но однажды, когда Ива собирала землянику у кромки леса, снова появился он. — Зачем ты это делаешь? – спросил он, разглядывая, как девушка, усевшись на земле возле большой куртинки, сияющей красными огоньками ягод, срывая веточку за веточкой и соединяя по пять-шесть штук в бу-

кет, обматывала верёвочкой, потом второй и третий и все привязывала к одной верёвке, создавая некое подобие ягодного венка.

– Так легче высушить. – Еле сдерживаясь от порыва вскочить на ноги и обнять его, проговорила девушка, продолжая свою работу с легкой задумчивостью на лице. — Вот повешу на крылечке. Солнышко высушит ягодки, наполнит их своим теплом. А зимой заварить вот такой букетик, сделаешь глоток горячего напитка – и чувствуешь, как солнышко тебя согревает, как бежит по жилам жизнь. И на душе сразу же становится так легко, так сладко.словно снова в лето вернулся. – Слегка улыбнулась она, погрузившись в свой рассказ, словно проживая тот момент.

– Ты так красиво говоришь, что мне сразу самому захотелось попробовать! – улыбнулся молодой человек, присев рядом с девушкой, и, сорвав одну веточку, полную спелых ягод, протянул ей. — Я бы хотел так же разбираться в травах, как ты. Научишь меня?

– Тебе это ни к чему! – продолжала улыбаться Ива, переполненная счастьем и любовью. Взяв из рук молодого человека веточку земляники, она соединила её со своими, так же обвязав ниточкой.

– Я приходил вчера к твоему домику, и до этого приходил, но тебя не было. – Ловко поменял он тему. — Быть может, завтра прогуляемся вместе?

– Мне некогда гулять. – Тише ответила девушка, не под-

нимая на молодого человека глаз.

– А что ты с утра делаешь? – не переставал улыбаться молодой человек, периодически срывая веточки земляники, съедая с них ягодки.

– В лес за грибами иду, надо первышей собрать. Потом зверобоя и других трав пособирать, перебрать, засушить. И так всё лето до самой осени, а осенью другие заботы начнутся. – Слегка нахмурилась она и, поднявшись с земли, отряхнула старенькое, кое-где рваное серое платье, и, взяв в руку корзинку, направилась к дому.

– Так давай завтра вместе пойдем! – Молодой человек шел следом за девушкой, не отставая. —Только скажи, в какое время мне прийти. —Тогда он выхватил из её рук корзинку и помог донести до дома. —Ну так что? – остановился он на пороге, поставив корзинку на ступеньку.

– Приходи, как рассветёт! – улыбнулась Ива нежной, беззаботной и такой влюбленной улыбкой, что скрывать чувств было, в общем-то, бессмысленно. Ведь у неё всё читалось на лице, на ярком румянце, бегающем по гладкой коже щек. Подняв со ступеньки корзинку, Ива ушла в дом, закрыв перед молодым человеком дверь, не позволила ему войти.

– Ты нашла себе друга, как я посмотрю! – Хриплый мужской голос, донёсшийся из темноты комнатки, напугал, заставив судорогу пробежать по телу, вздрогнуть.

– Что ты забыл здесь? – немного грубо и недовольно проговорила девушка, нахмутив носик и поставив корзинку

на стол, прикрыла рваной занавеской окно. — Я тебя не звала!

— Быть может, я просто соскучился! — ухмыльнулся Филин и, выйдя из темноты, медленно пересек комнату, приблизившись к девушке. — Столько времени тебя не видел. Ты так выросла, похорошела, стала невероятно похожа на свою мать! — казалось, ему хотелось обнять, поцеловать девушку, но, остановившись, провел ладонью по темным локонам волос, снова улыбнулся. — Похоже, я здесь нежеланный гость! — выдохнул он, выпустив воздух из ноздрей, отступив от девушки на шаг.

— Я никогда не запрещала приходить тебе сюда. Мама любила тебя, и я уважаю её чувства. Но я не мать. Я не собираюсь потакать твоим капризам, ждать тебя, переживать. — Глубоко вздохнула девушка, обернувшись и посмотрев на мужчину. — Ты правильно сказал, ты здесь гость нежеланный! — на что мужчина, качнув головой, обернувшись птицей, вылетел в окно.

Так началась дружба Ивы и Святослава, постепенно перерастая во что-то более сильное, более серьезное. И каждый день она ждала его прихода. И он приходил, целовал её руки нежно и ласково. Так пролетел месяц, и уже больше половины второго. И вот уже природа навеивала осенней ноткой в ароматах перезревших слив и яблок. И однажды свершилась их любовь, соединяясь нежностью прикосновений губ и рук. Горячей бархатной кожей, согревая тела. И казалось, всё уже

было сказано и сделано. И казалось, не будет конца их чудесной и, как казалось, вечной любви...

Глава 2 Песнь о вечной жизни

Часть 1 Дар

Середина сентября наполняла небосвод тучами, а улицы – глубокими лужами от долгих проливных дождей, которым, казалось, уже не будет конца. Святослав уже не приходил к Иве, как раньше, каждый день, и лишь периодически за-хаживал, лишь бы удовлетворить плотские желания и снова уйти, не сказав ни слова.

Однажды к домику Ивы пришла девушка из города. Молодая и красивая, она сразу показалась Иве недружелюбной, какой-то напрягающей, несущей вред. —Здравствуй! – с нежной, но искусственной улыбкой проговорила девушка, без всяких разрешений войдя в дом.

– Добрый день! – ответила Ива, окинув девушку беглым взглядом, помешивая большой ложкой бурлящую зеленую жижу, что пузырьками наполняла черный небольшой котел.

– Я слышала, ты знаешь способ приворожить мужчину? – чуть тише проговорила девушка, сделав еще один шаг вперед.

– С чего ты это взяла? – хмыкнула Ива, снова окинув беглым взглядом незваную гостью. Светлые прямые волосы ко-

торой были заплетены в тугую длинную косу, обвязанную василькового цвета лентой, в тон приталенному сарафану.

– Женщины в городе говорят, у тебя есть особая травка. – Еще ближе подошла девушка. —Мне очень нужно. Я люблю одного молодого человека, а он проходит мимо. А я так хочу, чтобы мы были вместе. Чтобы он любил меня!

– Моя травка лишь дурманит на время. Её хватит лишь, чтобы соблазнить, не более. Если ты ему безразлична, трава не поможет.

– Мне этого достаточно! – пожала плечами девушка, протянув несколько серебряных монет, уютно расположившихся на маленькой ладони. —Помоги мне.

– Хорошо! – глубоко вздохнула Ива и, забрав из рук девушки монеты, положила их в карман платья, и, вытащив из пучка, висящего на стене у окна, пару корешков, вручила девушке. —Завари их горячей водой и напои своего возлюбленного. Полчаса он будет безумно желать только тебя. А потом всё будет зависеть только от тебя.

И ведь могла ли она знать тогда, что собственными руками погубит свое счастье? И что тот молодой человек, которого собралась одурманить девушка, и есть ее возлюбленный, её Святослав? И могла ли знать она, что Святослав, сдавшись, поддавшись чарам травы, проведет ночь с той самой незваной гостьей, что опоила его кукушкиной слезой?

И вот уже осень наполнила природу яркими красками, нарядив деревья в рыжие цвета, а грозди рябины, налива-

ьясь алым бисером, словно кричали о грядущих холодах. Всё напоминало о предстоящем событии, которое в городе уже успели прозвать «свадьбой». Видно, потому что девушек, что отправляли к колдуну, одевали в белый саван. Хотя сами девушки относились к этому не как к свадьбе, а как к похоронам. И все боялись этого времени, ведь прошло уже пять лет с последней свадьбы, и настало время выбирать новую невесту. Люди, как очумелые, переполненные страхом, молились богам. Одни прятали своих дочерей, запрещая им выходить из дома, а другие радовались тому, что их дочери еще малы для «свадьбы». Но князь уже давно заметил одну красивую молодую девушку. И звали её Белослава. Та самая девушка, что покупала коренья кукушкиной слезы у Ивы. Что вело им? Какие духи говорили, какую жертву выбирать? Никто не знал. Но знали лишь, что одной темной ночью по городу проходит тень, несущая лишь зло. И что именно эта тень подает знак. Отмечает жертву, что желает получить колдун.

И вот прошел как-то в дом Белославы князь в сопровождении пяти старейшин. И принесли они белый саван с расшитым бисером узорчатым подолом. — Собирайся, Белослава! Выпала тебе честь продлить жизнь людскую еще на пять лет. Твоя жертва не будет забыта! — И тогда девушка наполнилась слезами, казалось, она хотела убежать, скрыться из виду, но куда можешь убежать от судьбы? Стать изгоем она не хотела, и умирать не хотела. Ей так хотелось выйти замуж за Святослава и нарожать ему с десятков дети-

шек. И, повинувшись воле владыки, она поклонилась князю, потом, поклонившись старейшинам, протянула руку дрожащими пальцами, дотронувшись до белоснежной ткани савана.

– Стойте! – закричав, в дом ворвался Святослав. — Вы не должны этого делать! Вы не должны забирать её! Почему её? – продолжал кричать он, подбежав к девушке и прижав её к своей груди, сильно сжал в объятьях.

– Это её долг! Духи велели нам найти достойную жертву! – сухо ответил один из седовласых старейшин, чья борода почти касалась земли.

– Разве больше нет достойных? Почему она? – еще крепче прижал к себе девушку Святослав. — Я её люблю и хочу взять в жёны! Ведь есть и другие девушки! Есть одинокие, забытые миром, такие, как Ива, травница, что живет у леса!

– Она изгой! – твердо ответил князь, словно ничего и знать не хотел о той, что напоминала о Мире, о том дне, когда по злобной воле судьбы его руки окрасились багряной кровью.

– Вот именно, изгой! – повторил молодой человек, сделав акцент на последнем слове, ярко выделив его в предложении. — Она же не нужна никому! Её и в жёны никто никогда не возьмет! И нет тех чувств, способных разбить ту стену, что огородила нас от её своеобразного, мрачного мира, и нет той любви, что могла бы заставить забыть о предрассудках, о мнении людском! Так не лучше ли ей хоть раз послужить народу и принять на себя эту честь?!

– Стать невестой колдуна – это честь для добропорядочной, чистой, юной особы, а не грязной оборванки! – продолжал злиться князь.

– Князь, прошу Вас, не слушайте его! – пробормотала девушка, опустив в пол глаза, судорожно перебирая пальцами волосы в косе. —Святослав, я тебя люблю, но я не могу подвести моего князя, не могу подвести весь город! Это не по-человечески!

– Ты так сильно любишь этого наглеца? – хмыкнул князь, окинув презрительным взглядом молодого человека, получив в ответ от девушки положительный кивок, снова хмыкнул. —Что же теперь с вами делать? “Старейшины, обратитесь к духам и сделайте всё, как они вам повелят”, – сказал князь и исчез в дверях, словно не желал появляться на пороге домика травницы.

Всё утро мерещились мрачные тени. Сердце сжималось, словно кто-то, вытащив его из тела, с силой сжимал в кулаке, отчего перехватывало дыхание и несколько секунд не было возможности сделать ни вдоха. А когда воздух, наконец, проходил в легкие с жуткой, опоясывающей змеёй болью, начинала кружиться голова и тошнота подкатывала к горлу. Чувство тревоги не переставало преследовать её. И вот стук в дверь взбудоражил все ниточки нервных клеток, заставляя кровь быстрее бежать по венам. —Святослав! – выкрикнула она, открыв дверь и выбежав из дома на улицу, повисла на шее молодого человека, но мгновенно, расстроено рас-

крыв наполняющиеся обидой и рвущимися наружу слезами глаза, отпустила его и отошла на пару шагов назад. — Она? — прошептала Ива, покачав головой. «Так значит, ты поддался чарам? Предал меня? Вот она, сила чарующей травы! — вздохнула она, слегка ухмыльнувшись на мгновение больной, безжизненной ухмылкой. — Зачем пришел? И кто это такие? Что надо?! — вдруг стал её голос более суровым, переполненным злобными нотками.

— Ива, мне помощь твоя нужна! В память нашей прошлой дружбы! — говорил он так, словно ничего не произошло, словно они и правда были просто друзьями, словно тех счастливых дней и ночей, проведенных вместе, и не было вовсе. — Понимаешь, князь показал на Белославу, хочет её колдуну отдать! А я люблю её! — всё говорил он и говорил, но Ива, казалось, не слышала его слов.

— А мне-то что до вашей любви? — хмыкнула девушка, еле сдерживая слезы, разглядывая старейшин.

— Тебе трудно помочь?! Ты же на века одинока! Не найдется ни одного мужчины, который был бы готов стать твоим мужем, даже если сильно полюбит! — высказал молодой человек, сдвинув брови и крепко сжимая рукой ладонь своей любимой Белославы.

— А знаешь! Ты прав! — подошла Ива вплотную к молодой паре и, стерев с лица потекшие слезы, окинула их презрительным взглядом с ног до головы. — Пусть моя смерть будет на твоей совести! — тогда она, снова сделав несколько

шагов назад, подошла к старейшинам и, выхватив из рук одного из них белый саван, ушла в дом, громко хлопнув дверью, а старейшины зашли следом за нею.

Солнце нехотя закатывалось за кромку леса. Так медленно и беззаботно, что просто становилось тошно. Ива с некой тревогой и болью, съедающей всё внутри, наблюдала через раскрытое окно, как красным заревом вспыхнуло небо, наполняясь всё более насыщенными красками, оповещая мир о грядущих заморозках. Как могла, она терпела боль, что доставляли ей женщины, что туго затягивали в косу её волосы, стараясь расчесать запутанные кучерявые пряди. Омывали в тазу белые ноги, словно сдирая кожу жесткой мочалкой, сделанной из липовой коры.

– Вот и всё, дорогая! – сказала одна из приглашенных старейшинами женщин, что подготавливали девушку к обряду. — Ты красавица! – добавила женщина, а Ива молча, поднявшись со стула, вынула ноги из воды, позволив женщинам их вытереть и надеть туфли. Она вышла медленным шагом на улицу, где её уже поджидали старейшины. Проходя по полю, она видела, как издалека за нею наблюдают некоторые горожане, что боялись подойти ближе, но резкий треск за спиной заставил обернуться. — Мой дом! – произнесла Ива дрожащим голосом, наблюдая, как языки пламени поедают крышу её маленькой избушки.

И вот солнце опустилось, позволив одинокому месяцу выползти на вид, казалось, даже звезд не было видно в этой кро-

мешной тьме, и лишь свет факелов освещал дорогу к болоту. Сотни напуганных и измученных глаз провожали её. Казалось, с надеждой, что это последняя жертва, что они приносят колдуну в дар. И от этого становилось еще печальнее. И как же сердце наполнялось безысходностью, гневом и обидой. — Как же ты похожа на мать! — вдруг мужской голос заставил её очнуться от грез, от мыслей, что полностью завладели её головой. Девушка подняла глаза и внимательно вгляделась в лицо князя, слегка сморщив лоб. — А вы похожи на убийцу! — хмыкнула девушка, давая понять, что она знает его маленькую тайну.

— Боюсь, твой сарказм тебе не поможет! — более сурово произнес князь, приобняв девушку, слегка коснувшись ладонью её спины, подвел ближе к краю болота. — Иди!

— Но как же я пойду? — затряслась Ива, коснувшись слегка мыском туфельки склизкой воды болота. — Что, прямо в болото?

И в тот же миг старейшины зажгли в стоящей подле болота урне огонь, что засиял синим пламенем. В тот же миг с другой стороны за болотом засиял похожий огонёк. — Иди! — снова сказал князь, и девушка, отшатнувшись сперва при виде всплывающих мертвых тел, отступила назад.

— Будьте вы прокляты! — еле слышно произнесла Ива и, сделав шаг, наступила на тело. Морщась и поскуливая, она пробиралась вперед, перепрыгивая с одного тела на другое, высоко поднимая юбку белого савана, оголяя стройные блед-

ные ножки. Наполняя воздух гниющим смрадом, тела погрузились под воду, издавая булькающий неприятный звук, покачиваясь на водной глади, создавая легкую волну, так что страх соскользнуть, упасть в болото, утонуть становился более явным. —Твердая земля! — радостно прошептала она, добравшись до бережка, на котором стоял каменный двухэтажный домик. —Что же... — сказала она чуть громче. Медленным шагом Ива подошла к домику и протянула руку, обернувшись сперва, заметив, что огни с той стороны начали гаснуть. Она снова посмотрела на дверь, и вот уже была готова открыть её, коснувшись трясущимися пальцами железа, как дверь резко распахнулась, и, не выдержав нервного напряжения, Ива заорала что было мочи и упала в обморок.

— Какая громкая! — хмыкнул человек, что вышел из дома. Его лицо было полностью скрыто капюшоном, не было видно ничего, и лишь белые руки выглядывали из рукавов черных одежд. Мужчина, медленно переступив через девушку, подошел к вазону, в котором полыхал синий огонёк, и затушил его водой из кувшина, что стоял рядом. Потом, вернув кувшин на его первоначальное место, вернулся к девушке и, наклонившись над нею, провел рукой по её лбу и, подняв на руки, занес в дом, захлопнув за собой дверь, толкнув её ногой.

Огни продолжали гаснуть, унося болото и все его окрестности во тьму и непонятную, дикую, пугающую тишину. Трупы утопленных воинов снова погрузились под воду, оста-

вив о себе лишь память в умах тех, кто их видел и, кто слышал жуткий крик девушки, отданной в дар колдуну.

Очнувшись, Ива медленно открыла глаза, разглядывая небольшое светлое помещение. Судорожно пошевелив губами, она прикрыла рот ладонью, чтобы не позволить себе издать ни малейшего звука. Наблюдая, как мужчина, сидящий к ней спиной на деревянном стуле, напевая непонятную мелодию, что-то делал в ванной, из которой исходил пар, говоря о том, что она была полна горячей воды. Тихонько поднявшись с мягкой лежанки, Ива сделала несколько шагов назад, стараясь не создавать шума и понимая, что он, увлеченный своим занятием, совсем её не слышит, развернулась и бросилась бежать по коридору. Узкие туфли сдавливали её ноги, снижали бег, и девушка, остановившись, сняла их с ног, швырнув на пол. Промчавшись по коридору, она дергала ручки, рвалась в каждую дверь, но все комнаты были пусты, полны лишь пыли и паутины, словно в них уже давно никто не жил. —Помогите! Хоть кто-нибудь! – проскулила девушка и, заметив открытую дверь там внизу, надо было лишь спуститься по лестнице, побежала к ней. —Вот оно! Спасение! – читалось в её блестящих от слез глазах. Она обернулась на мгновение, чтобы посмотреть, нет ли погони, и, слегка обрадовавшись, что сзади никого не было, снова посмотрела вперед, но вдруг перед нею возникла фигура, и, не успев остановиться, Ива уткнулась носом в слегка волосатую обнаженную грудь. —Нет! – затрясла она головой, раз-

глядывая бегающим нервным взглядом достаточно молодого светловолосого человека, его немного диковатую ухмылку, наглые поблескивающие голубым огоньком глаза. — Нет! — снова произнесла Ива, развернувшись в надежде убежать.

— Куда собралась?! — вдруг произнес молодой человек, поймав девушку за руку и подтянув к себе, сильно сдавил её запястье, ухмыляясь.

— Отпустите, прошу! — закричала Ива, извиваясь в попытке вырваться, ударить его ногами, руками и убежать. Но он, повалив её на пол, нависая, заломил её руки и, подняв, закинул к себе на плечо, поволок по коридору.

Девушка продолжала кричать, продолжая отбиваться, она колотила его кулаками по спине, что, казалось, совсем не беспокоило мужчину. Затащив её в достаточно большую, чисто убранную спальню, повалил девушку на широкую кровать. Ива пыталась сбежать, рванув вперёд, но он, сдавив её ноги, забрался сверху, прильнув всем телом к её телу, так что она даже через белый саван чувствовала тепло его тела. — Как ты мог позволить ей убежать? — сказал он, слегка повернув голову и обратив внимание на темный угол комнаты, в котором стояло кресло, а в том кресле сидел другой мужчина, что был постарше первого где-то на три-четыре года. — Всё в облаках летаешь! — всё ворчал молодой человек, а тот, что постарше, просто пожал плечами, не издав при этом ни единого звука. — Ты только посмотри, какую прелесть нам прислали в этот раз, не то что прежняя! — Тогда молодой че-

ловек провел ладонью по её лицу, немного надавливая, впиваясь пальцами в кожу, восхищаясь её гладкостью и нежностью. Сперва, широко раскрыв её глаза, оглядел зрачки. — Белоснежные. — Хмыкнул он, после чего, забравшись пальцами в рот, принялся проверять зубы. — И зубки все на месте, чистые, ровные, словно у молодой волчицы. — Улыбался он всё сильнее и сильнее, и тогда, спустившись руками ниже, сжал саван у края воротника, разорвал ткань посередине, оголив её небольшую, но пухленькую грудь. — Ты только посмотри, какая нежная, чистая, без единого шрама, без единого изъяна, просто бархат, а не кожа. — Казалось, восхищался он, вводя девушку в состояние еще большего ужаса и паники. — Волосы словно шелковые. — Продолжал он, распуская её косу, закапываясь в волосы носом, слегка касаясь губами её шеи. — Пахнут полынью!

— Эта девка не та, что я выбирал. — Недовольно нахмурившись, проговорил тот, что старше, продолжая сидеть в кресле, скрываясь в тени угла, так что его лица практически не было видно. — Но обратно уже не вернуть. Так что пусть остается!

— Вот только не надо говорить, что эта маленькая ведьмочка тебя совсем не заводит?! — захохотал молодой человек, слезая с девушки, поправил светлые, почти белые волосы.

— Что вы хотите со мной сделать? Зачем я вам? — проскулила Ива, стараясь прикрыть обнажённую грудь разорванным саваном. — Вы меня убьете?

Тогда блондин присел на край кровати у её ног и, слегка коснувшись пальцами руки кожи её ноги, провел от колена до большого пальца. — Скажи, ты когда-нибудь занималась сексом с двумя мужчинами сразу? — спросил он, но, вдруг резко расхохотавшись, заметив её стыдливый румянец, поднялся с кровати и ушел из комнаты.

— Вы и есть колдун? — спросила Ива, судорожно сжимая на груди порванное платье, уставив свой взгляд в темный угол.

— Да! — тихо ответил мужчина, поднявшись с кресла и сделав шаг вперед, вышел на свет. — Я колдун, и брат мой тоже! — он говорил так тихо и спокойно, что сердцебиение, казалось, начинало замедляться, успокаиваться. — А вот ты кто? Я лично выбирал девушку для жертвоприношения и точно помню, что ею была не ты. Я вообще тебя в городе не видел! Кто ты? — всё так же тихо говорил он.

— Я... — протянула девушка. — Я из-за города. — Продолжила фразу девушка, не отрывая глаз от мужчины, разглядывая его черные, доходящие до плеч взлохмаченные волосы, его строгий взгляд и спокойные карие глаза. Его черты лица, его выраженные скулы и немного впалые щеки, казалось, вызывали в ней некое любопытство или даже заинтересованность. — Я изгнанницей жила у леса в маленькой хижине и никогда не ходила в город. — Снова процедила Ива, продолжая разглядывать мужчину, его крепкое тело, облаченное в черные одежды, на широкие плечи.

– Тогда как ты попала сюда? – слегка двинул бровью мужчина.

– Та девушка замуж выходит, и они все решили, что я вполне смогу её заменить. – Ива вдруг смущенно опустила глаза, понимая, что и он разглядывал её, словно оценивая. — Это правда, что сказал твой брат? Вы правда хотите это сделать?

– Что? – словно не понимая вопроса, спросил мужчина, но потом, улыбнувшись, снова сделал шаг вперед. — Мой брат пошутил. Ни он, ни я не тронем тебя, только если ты сама этого захочешь! – сделал он несколько шагов к выходу. — Ты бы всё-таки сходила помылась, пока вода горячая. Я терпеть не могу запах масла, которым вас мажут перед жертвоприношением. На стуле возле ванной лежит свернутая простынь, она чистая. Можешь в неё потом завернуться. Зря ты пыталась убежать, отсюда не убежать, только брата моего подзадорила. – Снова окинул он девушку беглым взглядом. — Утром я принесу тебе платье. Не бойся, голой ходить не придётся! – а когда он ушел, Ива, немного подождав еще, слезла с кровати и, проشمгнув по коридору в ту самую небольшую светлую комнату, в которой стояла ванна, скинула с тела рваное платье и, забравшись в теплую воду, слегка улыбнулась и, погрузившись под воду с головой, пустив пару пузырьков воздуха изо рта, вынырнула. Она обтерлась мылом, потом, полив на волосы травяной настой, что наполнял небольшой глиняный кувшин, и смыл всё с себя

в самом конце, выбравшись из ванной, подбежала к табурету, что стоял у стены, и, развернув большую белую простыню, завернулась в неё и, вернувшись в комнату, забралась в кровать, уснула.

Часть 2 Забавы для наивных жертв

Проснувшись от странного чувства, пронизывающего до костей, пугающего, словно кто-то смотрит прямо на неё, Ива открыла глаза и, завернувшись поплотнее в одеяло, посмотрела на кресло в темном углу. —Никого, – прошептала девушка, глубоко вздохнув, немного расслабившись, словно осознавая напрасность тревоги и страха. Быть может, она даже сожалела о том, что кресло было пустым и что она улавливала на себе вовсе не его немного пустой и пугающий, но такой притягательный взгляд.

– Потеряла кого? – вдруг раздался суховатый мужской голос с другой стороны, почти за спиной, и, обернувшись, Ива увидела того, что был старше. Он стоял перед нею, такой высокий, такой статный и, казалось, такой интересный, хоть и пугающий. И, словно улыбаясь где-то внутри себя, стараясь не выпускать ту улыбку наружу, девушка смотрела на него, замечая, как небрежно мужчина бросал периодически еле заметный, мимолетный взгляд на её стройную ножку, что выглядывала из-под одеяла. Крепко сжимая в руках красное платье, казалось, мужчина желал что-то сказать, может, сде-

лать, но вместо этого он лишь молчал и смотрел на девушку, что, казалось, не желала спускаться с него своего пронзительного, немного напуганного взгляда. И вот Ива слегка опустила глаза, словно стараясь не смотреть на колдуна, пожала плечами, покачав при этом головой. — Я принёс тебе платье, не в простыне же тебе ходить. — Тогда мужчина положил платье на край кровати, прикрыв сверху белым с вышитыми на нем красными маками широким длинным поясом. — Мы с братом ждем тебя к завтраку, — протяжно произнёс он, снова окинув взглядом ножку девушки, что, казалось, специально не убирала её под одеяло, казалось, дразнила. Тогда он отвернулся и на секунду буквально замер, после чего вышел из комнаты, прикрыв за собою дверь.

Ива подождала чуть меньше минуты, скинула с себя одеяло и, развязав края простыни, что были завязаны узелком на шее, размотала её, спустив на пол, оголив тело. Подняв платье, она оглядела его и быстро натянула на тело, после чего, подняв с пола ремень, что упал, когда она надевала платье, обвязала вокруг талии, завязав на крепкий узел. После чего распустила волосы, что были небрежно заплетены в косу, вышла из комнаты и, пробежав по коридору, спустилась по лестнице и вошла в небольшую залу, посреди которой стоял длинный стол с пятью стульями подле него, а на столе лежали яблоки и виноград, блюдо, полное груш с красными бочками и спелых душистых слив, корзина с яйцами и свежеспеченным хлебом. — Милая, наконец, ты соблаговоли-

ла посетить нас! – с немного ехидной улыбкой проговорил блондин, разглядывая девушку, что, остановившись на пороге, словно замерла, сделав лишь пару настороженных шагов вперёд. Изящный круглый ворот с небольшим разрезом посередине обрамлял её грудную клетку, казалось, выделял, делал длиннее шею. Красные рукава, наполненные узором на манжетах, расширялись от плеч к низу. Белый пояс, наполненный росписью красных цветов, стройнил талию, выделяя округлые изящные формы, а разрезы на юбке по бокам, из которых выглядывала белая ткань нижней юбки, привлекали взгляд. —Красное тебе больше подходит, такая сразу живая стала!

– Долго стоять будешь? Садись уже за стол! – приказным тоном сказал старший из колдунов, и девушка, послушно пробежав ножками по полу, приземлилась на свободный стул напротив блондина, сам же брюнет сидел во главе стола. —Яргул, прекрати пялиться на нашу гостью, так ей и кусок в горло не ползет! – рявкнул он на брата.

– Все нормально. – Процедила Ива еле слышно и, отломив кусочек хлеба, кинула его, разжёвывая, тем временем очищая от скорлупы вареное яйцо.

Приняв пищу, мужчины поднялись из-за стола и, направившись к выходу, убрали всё со стола в небольшой шкаф, что стоял у стены. – Можешь здесь осмотреться пока что! – сказал тот, что старше, бросив лишь мимолетный взгляд в сторону девушки, продолжив свой путь к выходу.

– Ива! – крикнула она ему вслед, приподнявшись со стула, опершись обеими руками о стол, и мужчина, остановившись, посмотрел на нее. — Меня зовут Ива. – Более тихо проговорила девушка, на что мужчина улыбнулся слегка, качнув головой.

– Видагор! – произнес он и вышел прочь, оставив девушку совершенно одну.

Весь день Ива бродила по дому, переходя из одной комнаты в другую. Медленно перебирая ногами, она вырисовывала замысловатые узоры на красного цвета ковровой дорожке, словно пританцовывая. Зацепив руки за спиной, она внимательно разглядывала картины, что висели на стене, и на затейливые светильники, с которых капал талый воск. Ива вышла на крыльцо и как-то смущенно переминаясь с ноги на ногу, словно боялась сделать шаг, но все же шагнув на россыпь влажного серого гравия, пошла вперед, остановилась. Вот уже начинался вечер, что дышал осенней прохладой. Темнело очень быстро, и её силуэт, что озарял свет от свечей, что выходил из двери, падал на землю тенью, постепенно вытягиваясь.

– Даже не думай, с болот убежать еще никому не удалось. – Послышался рядом мужской голос, и, обернувшись, Ива увидела блондина, что медленным шагом приближался к ней.

– Я и не думала сбежать. – Тихо ответила девушка, снова устремив свой взгляд на болото. — Мне всё равно некуда ид-

ти, дом мой сгорел. У меня ведь нет никого, так смысл? — вздохнула она. — Я лишь хотела воздуха глотнуть и посмотреть на луну, на осенние звезды. Здесь очень красиво.

— Подожди еще немного и увидишь всю красоту здешних мест. — Улыбнулся мужчина легкой улыбкой, приблизившись сзади, прижавшись почти вплотную к её спине. — Тебе надо немного успокоиться. Расслабьтесь! — Тогда молодой человек положил ладонь ей на грудь, обвивая рукой её тело, крепче прижимая к себе.

— Что ты делаешь? — вздрогнула девушка, почувствовав его горячие пальцы на своей коже.

— Совсем не то, о чем ты подумала! — ухмыльнулся молодой человек, закатив глаза, чувствовал кожей рук её сердцебиение. Сердце, что бешено билось, постепенно замедлялось, успокаивалось, и вот уже почти не стучало. Ива закрыла глаза и, набрав полную грудь воздуха, окончательно успокоилась.

— Это потрясающе! — прошептала Ива, открыв глаза. Расплываясь в восхищенной улыбке. Ещё не полная, но уже почти поднявшаяся луна полностью освятила своим светом всё болото, играя на покрытых мхом бережках. Торчащие из воды гнилушки засияли неоновым светом, и их сразу же окружили светлячки, словно танцуя вокруг них. Со стороны левого берега потянулся туман, затягивающий в дымку поверхность болота. Но эта дымка не ложилась на воду, а словно отстранялась от неё, оставляя промежуток сантиметров

в тридцать. А в этом промежутке яркими голубыми и розовыми огоньками пролетели мотыльки, закружившись вокруг Ивы и молодого колдуна, словно слетевшись на яркий свет. И только когда они подлетели ближе, Ива поняла, что это вовсе не мотыльки, а что-то вроде миниатюрных куколок с крылышками. Тонкое вытянутое тельце отдаленно напоминало человеческие, а ручки и ножки тянулись от тельца тонкими прутиками. Слово мертвое бледное лицо, скованное каменной, казалось, искусственной вытянутой формой глаз. Они были абсолютно пустые, ни зрачков, ни белков, лишь тонкие полосы, формирующие силуэт глаза, подчеркнутые тонкой дугой бровей и длинных свисающих тяжёлой бахромой ресничек. — Что это? — прошептала Ива немного напугано.

— Болотные феи, — еле слышно прошептал ей на ухо молодой человек. — Эти малютки любят питаться падалью, кровью, кожей. Обычно их рацион составляют сдохшие зверушки, их вздутая гнилая плоть. — Говорил он так, словно ожидал увидеть испуг на лице девушки, что так явно читался в её глазах. — У них очень острые зубки и очень голодные желудки, но тебе нечего бояться, пока я рядом. — И тогда он, нежно касаясь пальцами её ладони, приподнял её руку, протянув вперед, и маленькая болотная фея, приземлившись на ладонь, покрутилась и, словно разглядывая девушку, качнула головой.

— Какая красивая! — на выдохе произнесла Ива, восхища-

сь, не отрывая глаз от переливающихся то голубым, то розовым цветом остроконечных крылышек.

– Яргул, хватит соблазнять девушку. – Раздался громкий голос того, что старше, спугнувший фей, и те, разлетевшись по сторонам, попрятались за деревьями. — Яргул мягко стелет, вот только жестко будет спать. – С некой ехидной улыбкой продолжал говорить мужчина, наблюдая, как девушка, скинув с себя руки молодого человека, стыдливо опустила глаза.

– Вид, зачем её пугать-то? – как-то играючи ответил молодой человек, так же улыбнувшись.

– Ну что ты, брат, это ты у нас мастер по запугиванию и соращению! – продолжал улыбаться первый.

– Разве так можно? – вдруг произнесла девушка, покачав головой. — Вы ведете себя так, словно я какая-то наивная дура! Хотите, чтобы я до последней минуты своей жизни тряслась от страха?! – она снова покачала головой, сделав шаг назад к дому. — Вы меня не сломаете и не запугаете! Что хотите, делайте! Насилуйте, убивайте! Что угодно! Надоело уже чувствовать себя вашей игрушкой! – нервно прокричала Ива и, протолкнувшись, прошла между ними быстрым шагом, забежав в дом.

– А она смелая! – ухмыльнулся старший и, оставив брата одного, пошёл следом за девушкой.

Она сама не заметила, как шаг перерастал в бег. Злость овладевала ею, заставляя нервно трястись подбородок.

Она, казалось, сдерживала слезы, старалась не заплакать. Но вдруг резкий рывок остановил её, и, сильно ударившись спиной о стену, она подняла заплаканные, покрасневшие глаза. — Убери от меня свои руки! – нервно проговорила Ива, не отрывая от мужчины своих глаз.

– Я восхищен! – на вздохе проговорил он, сжимая плечи девушки, не позволяя ей уйти, просто отодвинуться от стены. — Так и надо! Не будь глупой овцой, как остальные! Смело показывая свой характер, отвечай на грубость, и будешь достойна уважения!

– Что мне твоё уважение?! Хватит уже играть со мною! – тише ответила Ива, успокоившись, все так же пристально вглядываясь в его спокойное, такое нежное лицо, вызывающее некое чувство смиренности и подавленности.

– Тебе надо отдохнуть, – сказал он, стерев кончиком безымянного пальца слезу с её щеки. Тогда он отпустил её плечи, опустил руки и, сделав шаг назад, уступил девушке дорогу. Ива слегка качнула головой и медленно побрела по коридору. И всё время до самой двери своей комнаты она чувствовала на себе его взгляд. И, зайдя в комнату, Ива заперла дверь на защелку, чтобы никто не мог к ней зайти, снова разбудить утром, посмотреть на её тело. Медленными скользящими шагами Ива прошла к кровати и, оглядевшись, глубоко вздохнув, упала на кровать. — Что за дом? Здесь даже зеркала нет! – хмыкнула она и, поднявшись, сняла красное платье, бросив его на кресло, в котором сидел когда-то колдун,

оставшись в нижней рубашке, забралась под одеяло и уснула.

Проснувшись среди ночи от непонятного шуршания, Ива прыгнула с кровати и, вооружившись стулом, что стоял недалеко от кровати, осмотрелась. Но в комнате, кроме неё, никого не было. Медленно приблизившись к двери, она с опаской дернула ручку. — Заперто, — прошептала она и, ахнув от испуга, прижалась к двери спиной, резко обернувшись, снова услышав странный звук, что доносился со стороны её постели. — Что за наваждение? — снова прошептала Ива и, приблизившись, нагнулась, заглянув под кровать. — Что тут такое? — спросила она, то ли у самой себя, то ли у кого-то, кто создавал эти звуки, а в ответ раздалось звонкое мяуканье. И тогда, пошарив под кроватью рукой, Ива достала маленького серенького котёнка. — Какой милый! — улыбнулась девушка, погладив его по пушистой шерстке. — И откуда ты тут взялся? — А котёнок снова мяукнул, прильнув мордочкой к её руке. Тогда Ива положила его к себе на кровать и, присев рядом, свернувшись калачиком, уснула рядом, а котёнок, забравшись на изгиб её тела в районе талии, еще раз мяукнув, потянулся и, свесив одну лапку, словно обнимая девушку, закрыл глазки.

Часть 3 А кто пожалеет меня...

Проснувшись, Ива снова оглядела комнату, протирая глаза. Еле заметный свет солнца пробивался сквозь шторы, ста-

раясь прогреть холодную комнату. Ива, еле касаясь пальцами холодного пола, пробежала до окна и, отдернув шторы, выпустила свет в комнату. —Кис-кис! – игриво проговорила она, зазывая котёнка. —Где же ты? – Но котёнка нигде не было. —Приснился он мне, что ли? – пожалала она плечами и, надев на ноги туфли, натянула платье, обернув талию поясом, вышла из комнаты. Она вошла в пустую столовую и, приблизившись к столу, взяла из корзины зеленое с ярко-красным бочком яблоко, покрутила его в руке. —Где все? – хмыкнула она, оглядев комнату, и, заглянув на кухню, поняла, что и там никого нет. —Что такое? – снова хмыкнула она и, откусив от яблока кусочек, побрела по коридорам, осматривая дом. Но что такое? Все комнаты были покрыты паутиной и пылью, и ни одной живой души. Весь дом был полностью в её распоряжении.

– Вы где? – громко прокричала Ива, вернувшись в столовую, и лишь эхо ответило ей, оттолкнувшись от стен. —Я собираюсь сбежать! – снова крикнула девушка и быстрым шагом вышла на улицу. —Уже ухожу! – обошла она вокруг дома, оглядывая болото, но, удивлённо пожав плечами, вернулась в дом.

Ива снова зашла в столовую и, оглядев продукты, что лежали на столе, решила не тратить время попусту и, распалив на кухне очаг, принялась готовить ужин. В дальнем углу кухни Ива увидела мешок с мукой. —Чего у них только нет, – восхищенно проговорила она и, схватив глубокую гли-

няную тарелку, выбежала на улицу. Снова оббежав дом, она нашла уже засыхающие ягодки брусники на желтеющих кустах и небольшой ствол упавшего дерева, покрытый зеленым сочным мхом, усеянным еще не распустившимися шляпками опят. — Неплохо, — улыбнулась Ива и, собрав грибы да ягоды, что нашла, вернулась в дом и принялась месить тесто, печь пироги, варить суп.

Весь день, как заводная, Ива бегала по кухне, даже не заметив, как постепенно солнышко спряталось за тучами и совсем исчезло. Бросив полотенце на красиво сервированный стол, упала в стоящий у стола стул, вытянув ноги, обмякнув. — Вечер уже! — пробормотала она устало. — Как быстро день прошел.

Она закрыла глаза, но сразу резко открыла, испуганно поднявшись на ноги и взяв в руки полотенце. Вокруг неё на столе, на стенах ярко загорелись свечи, наполнив всё помещение ярким светом. — Что это такое? — раздался недовольный голос брюнета у неё за спиной.

Ива одернулась, не понимая, откуда он появился. — Что не так? — удивлённо спросила девушка, наблюдая, как он недовольно разглядывает стол. Горячая вареная картошка сходилась паром, а курочка манила поджаристой хрустящей корочкой, что просто упрашивала откусить кусочек.

— Кто тебе разрешил всё здесь трогать?! — грубо ответил вопросом на вопрос Видагор, сурово сдвинув брови. — Кто тебе давал право хозяйничать здесь, портить нашу еду?!

– Что я испортила? – немного обиженно процедила девушка, еле сдерживая слезы.

– Ладно тебе, брат! Девочка же нам угодить хотела! – старался его успокоить блондин, но, заметив на столе два больших блюда с пирогами, подошел к столу, совершенно позабыв, о чем вообще говорил. —Пироги! – протянул он, расплываясь в улыбке. —Лет двадцать не ел пирогов! – в его голосе слышались нотки восхищения. Тогда молодой человек подошел к столу и, взяв с каждого блюда по пирогу, поднял глаза на девушку. —Они с начинкой?! – спросил он.

– Да! – кивнула в ответ Ива. —Эти с грибами, а эти с брусничкой. – Тихо проговорила она, указывая пальцем на блюда.

– Восхитительно! – с еще большим восторгом проговорил Яргул, надкусив сначала один пирожок, за ним второй. —Мне кажется, я влюблён! Хоть сейчас готов жениться! Честное слово! – говорил он, поглощая при этом пироги. —Невероятно вкусно!

– Спасибо! – улыбнулась нежно Ива, бросив легкий взгляд в сторону Видагора. Казалось, её глаза наполнялись разочарованием, перемешанным с чувством глубокого одиночества, вызывающим отчаянные мысли, мысли, от которых проступали слезы на глазах, хоть и плакать не хотелось. Просто комок обиды сильно подкатывал к горлу, стремясь вырваться наружу диким криком. Но она молчала! Быть может, потому что привыкла всегда молчать, привыкла всегда быть тенью, замкнутой в себе маленькой девочкой.

– Да подавись ты! – рявкнул недовольно мужчина и, нахмурившись, словно у него сильно заболела голова, заглянул в один из ящичков рядом с буфетом, достав из него две бутылки вина и, оттолкнув брата в бок, ушел прочь. —Надеюсь, вы будете счастливы! – пробурчал он полным недовольства голосом как можно громче и резко.

– Что это с ним? – еле слышно спросила Ива с грустью в глазах, проводив мужчину взглядом. —То говорит, что восхищается мной, то снова злится. Не пойму я его. – вздохнула она и, сложив аккуратно полотенце, положила его на краю стола.

– А тебе и не надо! – всё так же чавкая, говорил блондин. Усевшись за стол поудобнее, принялся за горячее. Захватывая вилкой картошку, полностью погрузив её в рот, казалось, проглотив, не разжевав, запив при этом молоком из кувшина, прямо из горла. —Сядь лучше и поешь, а то сама небось голодная!

– Спасибо, Яргул, но у меня нет аппетита. – с грустью в голосе ответила девушка и, упав на стул, сложила руки на столе, положив на них голову.

– Знаешь, он злится, потому что ты ему по нраву пришлась. Я тебе точно говорю. – Он оторвал у курочки ножку, обгрыз за секунду с неё всё мясо.

– Не выбрасывай, – вдруг громко сказала Ива, увидев, как Яргул собрался вышвырнуть обглоданную кость в окно. —Я сниму с костей хрящики и котёнку отдам.

– Какому котёнку? – состроил удивленную гримасу Яргул, положив кость на край тарелки. И, взяв еще один пирог с грибами, проглотил его, два раза куснув. —В нашем доме нет животных. – Явно уже наевшись досыта, он разглядывал стол, не зная, чтобы ему еще съесть, хоть и есть-то уже не хотелось.

– Но ведь я видела вчера котёнка, маленький такой, серенький, пушистый, он же не мог через болото перебраться? – еле слышно говорила она, словно летая в это время в облаках. Её взгляд, устремленный в стену, казался задумчивым, возможно, она не знала, что еще сказать или сделать. Или просто не могла понять, почему Яргул так пристально на неё смотрит, словно ожидая очередного глупого вопроса.

– Маленький, серенький! – хмыкнул блондин, протерев губы салфеткой, привольно расположившись на стуле, потянувшись, после чего поднялся и, сделав несколько шагов к столу, оторвал тонкую щепку от корзины, в которой лежали яблоки, выковыряв ею мясо, застрявшее между зубов. — Очень интересно!

– Я, наверное, пойду к себе, устала сегодня немного. – Ива не спускала взгляда с молодого человека, который так же пристально продолжал смотреть на неё, словно хотел что-то сказать или сделать. Что явно начинало пугать её. Тогда она встала и, сделав несколько шагов вперёд, обернулась. —Яргул? – спросила она. —Я хотела бы завтра убрать в комнатах, там столько пыли. Видагор не рассердится, как думаешь?

– Я постараюсь его занять на время, чтобы он тебя не трогал! – слегка улыбнулся блондин всё той же своей белозубой улыбкой. — Хотя ты же не пленница, тем более не служанка. Тебе незачем всё это делать.

– Мне скучно просто так сидеть и ждать своей участи. А так хоть какая-то польза от меня будет, – тихо ответила Ива и, развернувшись, вышла из комнаты.

– Маленький, серенький! – снова произнес Яргул с выраженными нотками недовольства в голосе, швырнув щепку, которой ковырял в зубах, на пол. — Маленький, серенький.

Блуждая по коридору, Ива смотрела на картины, разглядывая людей, изображенных на них. Но одна из картин заинтересовала её сильнее всех. Ива уставила взор в лицо женщины, что была изображена на портрете. Красивое лицо с ярко выраженным румянцем, покрывающим щеки. Казалось, от неё веяло жизнью, некой сказочной нежностью и добротой. Её светлые волосы, заплетенные в косу, обвязанные нежно-голубого цвета лентой, опускались чуть ниже плеч, подчеркивая тонкость её фигуры, стройность талии, которую опоясывал тот самый пояс в красных маках, что был одет на Иве. Белое платье небрежно весели на её плечах, цепляясь сборкой ткани за кожу. Россыпь светлых веснушек, поселившихся на её щеках, делали её лицо более молодым, более свежим. И глаза, небесно-голубого цвета, они успокаивали, влюбляли в себя. Заставляли смотреть в них, утопать, казалось, шептали, околдовывали. — Завораживает.

Правда? – вдруг послышался за спиной мужской голос, и, обернувшись, Ива увидела Яргула. —Она такой живой всегда была, цветущей. Она дарила тепло и доброту, как ты! – Его взгляд казался печальным, немного убивая ту серьезность, поселившуюся на его лице. Этот человек, что казался ей беззаботным и весёлым всегда, так сильно менялся, разглядывая женщину на портрете.

– Кто эта девушка? – Ива снова подняла глаза на портрет, глядя в её чистые черты лица. —Она одна из ваших жертв?

– Она наша мать! – слегка улыбнулся Яргул, глубоко вдохнув, снова погас, убрал с лица улыбку. —Она была, как и ты, священным даром, но отец полюбил её и не смог совершить ритуал, луна ушла, и стрелки часов его жизни начали свой ход. Но он никогда не жалел о содеянном, опоённый её красотой, больше не поддавался на зов лунного духа. Он умер, когда мне было девять лет, Видагору тогда уже было четырнадцать. – снова вздохнул молодой человек и, обернувшись, жестом руки указал на портрет мужчины, что висел на стене напротив. —Вот наш отец. Он был первым колдуном, именно он создал этот ритуал, связав себя договором с лунным духом. В ночь, наполненную светом полной луны, убив девушку, чья душа светлей белого савана, чище утренней росы, ритуальным ножом на священной земле у алтаря, поглотив её душу, можно забрать все её годы жизни себе. Продлить молодость и жить вечно! Он создал много проклятий и мно-

жество договоров заключил с тварями лесными, подчинил себе силы природы, силы стихий. Но не смог устоять перед её улыбкой! – Молодой человек снова поднял глаза на портрет матери и снял паутину, завладевшую нижним левым краем рамы, обрамлявшей картину.

– Зачем ты это всё рассказал мне? – еле заметно дернулась девушка в надежде, что молодой колдун не заметит её страха, хотя дрожь в голосе явно его выдавала.

– Просто увидел, как ты разглядываешь её лицо, и ненароком вспомнил, как хорошо было в те времена, когда она была жива. Всё было иначе. Проще, чище. Но потом её не стало, и отец, поникнув от горя, не выдержав, остановив бие-ние своего сердца, умер, оставив нас одних. А потом брат возобновил ритуал, и ваши души, они стали для нас чем-то незаменимым, желанным. Каждые пять лет ты ждешь новую жертву, чтобы вновь поглотить её чистую душу, желая еще и еще. И это бесконечная, сковывающая цепь, тянущая на дно.

– Теперь я понимаю, почему вы с братом так отличаетесь. Ты очень на неё похож. Светлые волосы, голубые глаза. А Видагор, он как мрачная туча, черный, грозный и всё время хмурый.

Тогда молодой человек снова улыбнулся и, схватив девушку за руку, стараясь как можно нежнее сдавливать пальцами её запястья, протащил по коридору, остановившись у одной картины, на которой были изображены две девуш-

ки. Одна, как Видагор, темноволосая, высокая. Её бледная кожа, словно мертвая, отдавала серостью, отчего ярко-голубые глаза, казалось, светились. Темно-бордовое платье подчеркивало худощавость фигуры, делая его более длинным. А вторая девушка, как Яргул, светлая. Её белоснежные волосы волнами спускались до пояса, что обрамлял нежно-голубое платье, сжимая её тонкую талию, делая более стройной и привлекательной. Слегка вздернутый кверху носик и невероятной красоты немного округлые большие глаза, так же сияющие голубыми огоньками. На её лице мягкой ноткой рисовалась нежная улыбка. — Это наши сёстры! — проговорил Яргул, коснувшись полотна рукой.

— У вас есть сёстры? — удивилась Ива, вернув свой взгляд на картину, вглядываясь в лица девушек, что крепко держались за руки, словно боялись разлуки. — Но я обошла все комнаты и не встретила ни единой души. Даже признака, чтобы здесь жил кто-то, кроме вас.

— Они здесь не живут. Заключённые в недрах священной земли, они могут выходить на поверхность, только когда свет полной луны коснётся алтаря. Таково их проклятье.

— За какие проступки им такое наказание? — снова затряслась Ива, стараясь не показывать тот рвущийся наружу порыв уйти. Холодок обдал её кожу, выпустив мурашки наружу, что, пробежав мгновение, появившись на её грудной клетке, еле заметными бугорками исчезли.

Но молодой человек не смотрел на неё, выпустив её ла-

донь из своих рук. — Мои сестры не были рождены женщиной. Их мать — та самая земля, что держит их в оковах. Когда колдун решился разорвать договор с лунным духом, он пришел к алтарю в лунную ночь. Он предложил ему обмен. Колдун порезал свои вены и пролил черную кровь на алтарь, и лунный свет принял его. Тогда капли крови упали на землю, и волею лунного духа появились они. Две девы, что являли собой сущность колдуна, и должны они были стать наказанием его, так как лунный дух хотел смерти той девушки, чью душу не смог получить. Потому колдун связал свою силу с водяной гладью болот, с землей. Он каялся перед лесными духами и просил их о защите. Тогда лесные духи пришли на его зов. Они помогли ему связать землю, и только когда свет луны, поднимаясь, освещает алтарь, оковы слабеют, и наши сестры поднимаются. Но они демоны, они питаются жизнью других существ. Одно прикосновение их рук способно убить любое существо, в котором нет черной крови колдуна. Потому я понимаю, зачем он сковал их. — И тогда он показал рукой на девушку в темном. — Кира. — Она — сосредоточение всех его злых помыслов, всей жестокости, что сидела в нем. И уж поверь мне, с нею лучше не встречаться. Она беспощадна к своим врагам и не пожалеет никого на пути к своей цели. Если разбить оковы навеки, она пойдет мором по миру. — И Ева. — Теперь он указал на блондинку. — Она не меньше Киры жестока и кровожадна, но есть малая часть, что заставляет ее плакать над жертвой. Она не убивает

спонтанно или ради мести и удовольствия. Но, тем не менее, зло бывает, и над нею берет верх. Она – часть той светлой искорки, что сохранилась благодаря девичьим жизням, душам, что колдун успел поглотить. В итоге она стала заложником яда своей кожи. – Молодой человек обернулся и, взглянув на девушку, слегка приклонившись, снова взял ее за ладонь и, подтянув к себе, словно желая поцеловать, но, отпустив, снова отвернулся.

Девушка пошатнулась, сделала шаг назад, желая отдалиться, казалось, испугавшись его рассказа. И какие намерения у него могли бы возникнуть после того, что он пытался добиться: страха, слёз, паники или всё вместе?

– Я спать пойду, – произнесла Ива еле слышно, дрожащей рукой коснувшись его плеча, казалось, она хотела его пожалеть, но как, да и зачем. Эмоции разрывали её душу на части. Всё смешалось у неё в голове, рисуя в воображении жуткие картины. И единственное, что она сейчас понимала, так это то, что они не плохие вовсе. Что они всего лишь люди, одинокие и забытые. В своей сущности такие же изгои, как и она сама.

– Конечно! – снова улыбнулся Яргул, но теперь его улыбка совсем не навеивала радость, а даже наоборот. Она была настолько печальной и наполненной безысходностью, что слёзы подкатывали к горлу, сами собой овладевая глазами, и ты уже не чувствовал ничего, кроме жалости. Тогда он убрал руку от полотна и, сделав несколько шагов назад, ото-

шел от картины. Ива протёрла слезу с лица, стараясь не подавать виду о той печали, что нахлынула на неё. Но он смотрел на неё, лишь слегка прищутив глазом. Ива видела, как вновь меняется его лицо. Как снова грубеют ровные, слегка выраженные скулы. Черствеют глаза. Он был опять серьёзным, другим, бесчувственным, как не так давно. — Мой брат знает много проклятий, но не стоит бояться его. Однако ты должна знать, он оборотник и может принять облик любого животного.

— То есть, ты хочешь сказать, что тот котёнок и есть Видагор? — немного смутившись, пробормотала девушка.

— Вполне возможно, — ответил молодой человек как-то твердо и сухо, словно полностью растеряв все чувства. — Мне-то откуда знать? — его голос, наполненный грубыми нотками, застрял в её разуме. Не понимая его слов и его тона, Ива слегка качнула головой. Она смотрела на него. Может, ждала реакции. Может, ждала, что сейчас он рассмеётся, объясняя всё шуткой. Она ждала именно этого. Ждала, что увидит его таким, как тогда за столом, когда он восхищался её стряпнёй. Но он молчал. Просто снова окинув её пустым взглядом, ушел. И всё, что оставалось ей сейчас, это проводить его полным непонимания взглядом. Ей было страшно и больно. Столько непонятого творилось вокруг неё, что душа рвалась наружу. Хотелось догнать его и расспросить подробнее обо всём, что происходит в этом доме. Хотелось понять их постоянные перепады настроения. По-

нять хоть что-то. И что ей оставалось теперь делать? Просто идти спать? Но как же теперь жить, осознав, что стоит лишь луне обрести полные формы и осветить своим светом землю, её жизнь оборвётся. И как это – умирать на алтаре? И каково это – быть пронзённым ритуальным ножом? И что будет дальше? И как долго она будет умирать? И насколько больно будет, когда душа покинет тело? И ей было страшно думать об этом, представлять. Страшно, но при этом безумно любопытно. Вот так. Утопая в своих мыслях, Ива простояла еще некоторое время в коридоре, всё так же разглядывая картины на стене и прокручивая в мозгу всё, что говорил Яргул, снова и снова. И эти две девушки, их сёстры. Демоны, созданные из крови колдуна и лунного света, их тоже было очень жалко. Как, наверное, сильно начинаешь ненавидеть своего создателя, находясь в плену злых чар. И она была бы готова им всем помочь, готова взять на себя их страдания, разделить с ними участь. —Как жаль! – прошептала она снова, вернувшись к первой картине, к портрету их матери. —Значит, и колдун способен любить и страдать. Способен был пожертвовать своими силами ради нескольких лет, прожитых с человеком, понимающим и любящим. Ты была, видимо, невероятной доброты и сочувствия человеком, переполненным сострадания, раз смогла разглядеть в колдуне не просто мужчину, а существо, нуждающееся в ласке, заботе и понимании. – Тогда снова вздохнув, Ива снова побрела по коридору и, завернув за угол, зашла в свою комнату и,

оставив дверь открытой, не раздеваясь, опрокинулась спиной на кровать и, снова глубоко вздохнув, закрыла глаза.

Глава 3 сосредоточение сил

Част 1 И в пьяном поцелуе утопая

Легким дуновением осенний ветерок залетал в окно, заставляя занавески слегка подниматься, то снова опускаться, что, казалось, походило на некий ритуальный танец, завораживающий и манящий. Казалось, он шептал: «Смотри, смотри, слушай, бойся». Отчего странные мысли никак не могли перестать лезть в голову, не оставляли её. Отчего Ива просто лежала, раскинув в стороны руки, и смотрела на потолок, разглядывая причудливые завитки оленьих рогов, что сотворенные умелым мастером легко замещали люстру, наполненную свечами. Талый воск, медленно стекающий, овладевал ими, заполняя собою и засыхая, свисал полосками из засохших стекающих капелек. В её мыслях всё еще жила история, рассказанная Яргулом, сейчас она уже рисовала картины из их прошлого не как кошмар, а как захватывающую и романтическую историю. Но больше всего её интересовал другой вопрос. Был ли тот котенок настоящим или Яргул сказал правду, и в виде котенка её посещал Видагор? Но зачем, для чего? Всё это так странно и непонятно. И если это всё же был он, то почему так повел себя вечером, почему

оскорбил и обидел? Как же тяжело и как же грустно. А может быть, Яргул был прав и в том, что она понравилась Видагору, и что он просто боится повторения истории, что была с его отцом? Ох, нет! Что за глупость! Разве может колдун, проживший сотню лет, решиться променять бессмертие и власть на любовь такой девушки, как она? —Нет, конечно! Ну разве можно о таком мечтать? А может, правда? Хотя нет! — Всё вертелось у неё в голове, заставляя нервно подергиваться левую бровь. —Но разве будет кому-то худо, если просто спрошу? — прошептала она и приподняла тело, облокотившись руками о мягкий матрас. —Наверное, мне будет худо. —вздыхнула она. —Ну не убьет же он меня за расспрос? — более уверенно произнесла она и, свесив ноги с края, снова о чем-то задумавшись, поднялась на ноги, расчесывая пальцами рук волосы, поправила платье, отдернув юбку, вышла в коридор. —Они и так меня убьют, а так хоть буду знать всю правду. — огляделась она вокруг и закрыла дверь своей комнаты. —Я же имею право знать правду. Он же сам говорил, что я заслуживаю уважения.

Спустившись по лестнице на первый этаж, стараясь как можно тише наступать на скрипучие доски ступенек, Ива сначала прошла в столовую, потом на кухню, но там никого не было. —Где же он может быть? — проговорила она, прислонив указательный палец к губам, так, словно самой себе велела быть более тихой. Но, покинув стены столовой, она увидела тусклый огонёк под лестницей, можно было сказать,

что он горел где-то внутри неё или за нею. —Что это? — тише прошептала Ива и пошла на свет. Приблизившись к лестнице, она огляделась вокруг и, словно изучая стены, прошмыгнула в небольшом промежутке между стеной и лестницей. Перед ней расстиралась ковровая дорожка, протянутая по полу небольшого коридора, стены которого украшали две двери друг напротив друга. Ива обернулась, поняв, что за её спиной тоже находится дверь. Дверь, которая была скрыта от глаз с той стороны лестницы. Одна из дверей перед нею была слегка приоткрыта, и из-за тоненькой щелки и проглядывал тот самый свет, что так манил её. —Видагор, ты здесь? — словно проскулив, говорила она. Любопытство снова брало над нею верх, и, слегка прикусив нижнюю губу, снова улыбаясь, она сделала пару шагов, медленно протянула руку и, открыв дверь шире, заглянула вовнутрь. —Видагор? — улыбнулась вдруг она, сделав шаг вперед. Небольшая комната была полностью погружена в подвальную темноту, и лишь неяркий свет, что дарила тонкая свечка, стоящая на невысоком столе, играя то тусклыми, то яркими переливами, обрамлял ту мебель, что её окружала. Где-то у дальней стены стояла небольшая кровать, шкаф и несколько полок, что висели на стенах, казалось, были готовы сломаться от веса книг, лежащих стопками на них. Он сидел в кресле, слегка отвернутом от входа. Ива смотрела на него взглядом, что, казалось, наполнялся еле заметными искорками рождавшихся в ней чувств. Чувств, что она не желала

признавать, скрывая их под маской простого любопытства. Но сейчас она смотрела на него, слегка улыбаясь, разглядывала, как его черные волосы тонкими струйками расплзались по краю спинки кресла, как он, слегка опрокинув голову назад, казалось, дремлет, закрыв глаза и почти не дыша. И как же соблазнительно выпирал сейчас на его шее кадык. Он не был большим, лишь невысоким бугорком ломал прямую линию. Такие тонкие губы, прямой, хоть и казавшийся при свете свечи заострённым, нос и отчерченные линией слегка впалых щек скулы. От чего ненароком начинало трясти. — Видагор? — его имя снова сорвалось с её губ, Ива подошла к нему ближе.

— Чего тебе надо? — сухо ответил мужчина, не открывая глаз, он не шевелился, казалось, не желая реагировать на её приход. Но через мгновение он поднял голову, оглядевшись по сторонам кресла, нагнулся и, взяв в руки бутылку вина, сделал глоток. — Чего пришла?

— Я тебя спросить хотела, — пробормотала Ива, смущенно опустив взгляд в пол, она сделала еще один шаг вперед. — Это ты приходил ко мне прошлой ночью? В виде котёнка?

— Вот еще! — недовольно возразил мужчина, всё так же не смотрел на неё. — Мне больше нечем заняться, по-твоему? Или ты решила, если я позволил себе фразы о восхищении в твой адрес, то хочу залезть тебе под юбку? — Тогда он снова сделал глоток из бутылки и поднял на девушку взгляд. — Развратница!

– Я лишь спросить хотела, а ты сразу оскорбляешь! – Ива, казалось, забыв про прежнюю стыдливость, снова шагнула вперед, остановившись прямо перед мужчиной, наполняясь обидой. —Яргул сказал, ты можешь в животных обращаться. Вот я и решила спросить! Я же не спрашивала, нравлюсь ли тебе как женщина. И... – протянула она. —Это я сейчас к слову сказала, а не вопрос задавала!

– Тоже мне красotka! Замарашка, да ещё и глупая! – посмеявшись над девушкой, он снова отглотнул вина и, поставив бутылку на стол перед собою, забрался рукой себе за пазуху, после, поднявшись на ноги, приблизился к ней. — Руки протяни! – в его глазах явно читалось недовольство. Ива протянула ладони, и мужчина, достав из-за пазухи серый комочек, положил его на ладони девушке. Она опустила взгляд, разглядывая его. То был тот самый серенький котёнок, что, свернувшись клубком, потянувшись, поскрёб коготками по её коже, перевернувшись на другой бок. —Если хочется к кому-то пристать, иди к моему брату, а меня не надо бесить своими глупыми вопросами! – тогда он забрал котёнка из её рук и, положив на кровать, снова упал в кресло, где сидел прежде.

– Я совсем не глупая! – слегка повысила голос Ива. — И откуда я могу знать, где тут правда, а где ложь. И к тому же Яргул сказал, что тут нет животных! И хамить зачем? – но, умолкнув, словно решив воплотить в явь некую бредовую идею, задумалась слегка. —Знаешь. – протянула она. —

Может, мне стоит немного сравняться с тобой, чтобы понимать. – тогда она, хмыкнув,хватила из рук мужчины бутылку и сделала глоток, изящно коснувшись губами горлышка, после чего закашлялась, прикрыв ладонью рот.

– Что ты творишь? – нервным, звонким звуком, словно разбили что-то стеклянное, сорвалось с его уст. —Отдай сейчас же, оно же крепкое! – еще громче выкрикнул он, поднявшись с кресла, бросился к девушке, стараясь отнять у нее бутылку.

Но девушка, покачав головой, спрятала бутылку у себя за спиной. —А ты попробуй отбери! – хихикнула Ива и, сделав несколько шагов назад, вышла в коридор и, снова отхлебнув из горлышка, показав мужчине бутылку, словно зазывая и поддразнивая его, покачала ею и, снова глотнув из бутылки, побежала к выходу. Пробравшись через узкую щель между досок, как и пришла сюда.

– Вот зараза! – рывкнул он, выбежав следом. —Сейчас ведь поймаю! Маленькая мерзавка! – Когда он выбежал в прихожую, Ива уже ждала его у входной двери, и, лишь он сделал шаг вперед, хихикнула и, широко раскрыв дверь, выбежала на улицу. —Отдай! Говорят, тебе! – Но девушка совсем не желала слушать его, убегала, играя, останавливалась на расстоянии пары метров, ожидая, когда он подойдет ближе, и снова убегала. —Хватит! – Казалось, он злился, прекратив погоню, лишь наблюдая, как она, снова прислонив горлышко к губам, делает достаточно большой глоток.

И вот Ива остановилась и, пошатнувшись, приземлилась на колени, устроившись на еще такой мягкой, хоть и пожелтевшей уже траве. — Что-то голова кругом пошла! — прошептала девушка, выронив бутылку из рук, прислонив ладонь ко лбу так, словно пыталась удержать ее на плечах.

— Что с тобой? — мужчина присел на корточки перед нею, но, не удержавшись, упал назад. — Уф! — Он поднял с земли бутылку и перевернул ее горлышком вниз, потряс и, с неким сожалением покачав головой, принялся подниматься на ноги. — Это и не удивительно, что тебе подурнело. Ты всё выпила!

— Я просто впервые пила алкоголь. — снова протянула Ива, можно сказать, проскулила, не убирая руки ото лба.

— Ну что тут скажешь. — улыбнулся он как-то непривычно мило и нежно, что даже холодок пробежал по коже, вызвав на время россыпь мурашек. — Всё когда-то бывает в первый раз. Пойду еще бутылку принесу, никуда не уходи.

— Конечно! — с некой ноткой сарказма в голосе проговорила она. — Сейчас напрямик через болото побегу. Главное — суметь на ноги подняться! — махнула она рукой в сторону того берега, где находился город.

— Беги! — снова улыбнулся мужчина и ушел в дом, после чего, вернувшись уже с открытой бутылкой вина, протянул её девушке. — Еще будешь? — спросил он, усевшись рядом с нею на траву, протянул бутылку.

— Да! — на вздохе проговорила она и, взяв бутылку, сде-

лала глоток, потом еще один, после чего вернула бутылку мужчине. — Так странно. Раньше мне болота казались такими черными, пугающими. Казалось, здесь нет ничего доброго. А оказалось. Здесь так красиво, свет луны, зелень мхов. И совсем не страшно, а даже наоборот, так спокойно и приятно на душе. Чувствую себя так, словно я нахожусь на своём месте. Понимаешь? Кажется, сейчас я в сказке, старой, доброй, красивой сказке.

– Так, может, это и есть сказка? – улыбнулся он, сделав большой глоток вина.

– Нет, нет. – затрясла она головой, словно в обиде сжав губы. — У сказки должен быть хороший конец. Обязательно. Добро побеждает зло. А в нашем случае всё совсем иначе. Завтра ночью вы убьете меня. Моя душа вам продлит жизнь. И я совсем не против. Я готова к этому.

– Он тебе всё рассказал? Яргул, эх, пороть его мало! – продолжал пить вино Видагор. — Ты такая смешная. – хмыкнул он, направив свой взор через болото куда-то на противоположный берег. — Я хотел бы отказаться от черной крови, стать человеком, быть живым. Ты права, мы не в сказке.

– Мне кажется, ты просто боишься сделать неправильный шаг! – улыбнулась девушка и приземлилась головой ему на колени. — На самом деле ты уже хороший человек, и это тебя пугает. Так нельзя. Вот я. Я, наверное, глупая, потому что, даже разочаровавшись в людях, продолжаю в них верить.

– Ты удивительная! – с его лица не сходила улыбка. — Твои волосы такие красивые, тонкие локоны седых полос переливаются в лунном свете. – провел он ладонью, прогладив её по волосам. — Почему у тебя столько седых волос?

– Не знаю! – поднялась она с его колен, распушив руками локоны волос. — Они такие с детства!

Видагор хотел было что-то сказать, но посыпавшиеся с дерева пожелтевшие листья отвлекли его. Резкий звук, нечто напоминающий свист и звонкий шорох листьев склоняющихся веток, послышались сверху, заставили его поднять голову. — Посмотри! – сказал он, и девушка, удивлённо посмотрев на мужчину, запрокинула голову и, испуганно ойкнув, опрокинулась спиной на землю, придерживая тело локтями. Там наверху, на ветках деревьев, раскачиваясь и перебираясь с ветки на ветку, на неё смотрели странные черные существа. Их черная склизкая кожа блестела в лучах яркой большой луны, что уже почти набрала полную силу. Одно из этих существ сползло по стволу старой осины, свисая головой вниз, и, аккуратно подкравшись, подползло к девушке вплотную и, забравшись сверху, уткнулось своею жуткой, похожей на личико мертвого ребёнка, мордой Иве в лицо. Совсем вплотную. Её сведённое судорогой от испуга лицо дрожало, отчего немного подергивался левый глаз. И вот теперь она могла ощутить тот отвратительный запах гниющей плоти, что шел от его покрытого липкой слизью тела. Существо издало уже знакомый свистящий звук и, словно выла-

мывая кости, протянуло руку и, выпрямив длинные крючкообразные тонкие пальцы, провело ладонью по её лицу, после чего поднесло пальцы к своему носу и, вдохнув запах девушки, дернулось слегка и, качнув головой, спрыгнуло на землю. После, забравшись обратно на дерево, исчезло в листьях, остальные, прыгая с ветки на ветку, тоже исчезли. — Забавно! — хмыкнул мужчина.

— Чего забавного? — голос девушки дрожал, смешиваясь ярко выраженными красками страха и злобы, сотканными ниточками нервозности. — Что это вообще такое? — приподнялась она, ненароком прильнув к его плечу.

— Просто странно. Черти никогда раньше не приходили на болота! — сказал он, отхлебнув из бутылки и как-то неловко положив ей руку на плечо. — Ты странно действуешь на лесных духов. Такое создается впечатление, будто они тебя принимают за свою. Такую же, как они, и всячески пытаются сохранить тебе жизнь. — Тогда он сильнее прижал девушку к себе и протянул ей бутылку, но бутылка выскользнула из его рук и, приземлившись на коленях Ивы, элегантно улеглась на её платье. Вино красными струйками вытекало из бутылки, расплзаясь ручейками, впитываясь в ткань. — Извини! — дернувшись слегка, проговорил он и, сняв с себя рубашку, принялся вытирать пятно, отшвырнув бутылку в сторону.

Ива смущенно разглядывала его обнаженную грудь. — Я, наверное, лучше пойду, — проговорила она еле слышно, слег-

ка дернувшись и отшатнувшись в сторону, попробовала подняться на ноги, но, пошатнувшись, упала обратно.

– Я помогу. – улыбнулся Видагор и, поднявшись на ноги, пригнулся, подняв девушку на руки, и зайдя в дом, затормозив слегка, прикрыл входную дверь. Поднявшись по лестнице, пронёс по коридору и, опустив на пол, прислонив её спиной к стене, отдернул ручку, открыв дверь комнаты. —Я, наверное, должен был пожелать тебе спокойной ночи, но мне что-то совсем тебя не хочется отпускать. – нежная улыбка расплылась у него на лице, наполняясь страстью. Тогда он крепко обнял её, прижал к стене и, сдавливая в объятиях, придушив слегка, впился губами в её губы. И, сжимая крепче талию, развязывая её пояс, лобзая при этом тонкую шею. —Ты сводишь меня с ума! – шептал он ей на ухо, еще больше переполняясь страстью, и приподнял её, обвивая тонкую талию крепкими руками, оторвав сантиметров на двадцать от пола, пронёс по комнате и, уложив девушку на широкую кровать, бросив пояс, что успел снять с её талии, на пол, принялся снимать с неё платье, оставив на ней лишь полупрозрачную нижнюю рубашку. После, отшвырнув платье в сторону, забрался сверху, продолжая лобзать её шею, запрокидывая тонкие руки девушки наверх, с силой сжимая её запястья. —Что ты делаешь со мной? – шептал он, продолжая покрывать девушку поцелуями.

– Остановись! Прошу тебя, хватит! – прошептала она еле слышно. —Не надо. – Она не боролась, казалось, боялась

двинуться, отвернув в сторону голову.

Мужчина остановился, качнув головой, пошатнувшись, сполз с неё, приземлившись рядом на краю кровати. — Я не должен был... — произнёс он еле слышно и, глубоко вздохнув, прикрыв ладонями лицо, казалось, старался успокоиться. — Прости! Это всё алкоголь! — Он поднялся на ноги и быстрым шагом, подойдя к окну, открыл его. Прохладный ветер прорвался в комнату, раздувая тюль. — Мне надо немного успокоиться!

— Прости меня! — девушка, приподнявшись, собрав одеяло, прикрылась им, сжимая крепко в руках. — Я не думаю, что смогла бы... — казалось, она не могла найти слов. — Просто я боюсь настолько с кем-то сближаться, понимаешь! Я уже готова принести себя в жертву, я жду завтрашнюю ночь, я хочу умереть! Хоть маленькую пользу принесу вам и успокоюсь! Это именно то, чего я хочу больше всего. — её слова звучали как музыка, нежная, успокаивающая.

— Ты мне нравишься! — снова улыбнулся он, бросив мимолётный взгляд на девушку.

— А ты нравишься мне. — улыбнулась она в ответ. Видагор качнул головой и, закрыв окно, направился к выходу. — Поймай! — окликнула его Ива, упав на подушку и прикрыв ладонями лицо. — Прошу тебя, не уходи. — протянула она. — Остайся со мной сегодня. Просто побудь рядом. Я не хочу оставаться одна в этой пустоте и холоде.

На лице мужчины снова появилась улыбка. Он медлен-

ным шагом, словно нехотя, подошёл к ней и, расправив края одеяла, лег на него сверху. Девушка, сжавшись комочком под одеялом, подползла к нему, ткнувшись носом в плечо. — Если захочешь, чтобы я ушел, просто скажи! — на что девушка, отрицая, покачала головой, не отрывая своей макушки от его плеча. — Знаешь, мужчина, променявший тебя на другую, — истинный идиот! — словно промурлыкав, сказал он, обвив девушку рукой, прижав её к себе, положил ладонь на плечо. Она, чуть забравшись повыше, положила голову ему на грудь. Черные волосы жесткими пружинками щекали его кожу, отчего он быстрым движением руки, собрав их, слегка закрутив, закинул ей за спину.

Часть 2 Символы демонов

Проснувшись с рассветом, Видагор открыл глаза и, резко схватившись ладонью за лоб в попытке остановить головокружение. Солнца лучи, пробираясь в комнату, словно нарочно, слепили глаза, раздражая. Но, повернув голову набок, он улыбнулся, разглядывая темную макушку, что копной волос выглядывала из-под одеяла у него на груди. — Чудо! — прошептал он и, аккуратно сняв её голову со своего тела, так, чтобы не потревожить сон девушки, положил её голову на подушку, после чего, размяв затёкшее плечо, вышел из комнаты, так же осторожно и тихо прикрыв за собой дверь, пошёл по коридору.

Горделивой, весёлой походкой Видагор вошел в столовую с некой похотливой улыбкой на лице и, приблизившись к обеденному столу, отодвинул стул и, скинув с тарелки полотенце, взял пирожок и, откусив сразу половину, упал на стул, закинув ноги на край стола, положив их нога на ногу.

– Что-то ты, братец, уж больно весёлый! – подошел сзади Яргул, сложив руки на груди и как-то сердито сморщив нос.

– Пироги и правда вкусные! – словно не понимая вопроса, проговорил Видагор, полностью поглотив оставшуюся часть пирога, казалось, не разжёвывая.

– Не думал, что простая еда может сделать тебя таким счастливым! – хмыкнул Яргул, слегка нагнувшись, сказав брату на ухо достаточно громко, после чего, выпрямив спину и сделав пару шагов вперёд, встал перед ним. — Может, нам стоит в таком случае завести кухарку?

– Я ночь провел с Ивой. – сильнее улыбнулся Видагор и, спустив ноги вниз, взял со стола кувшин, налив в кружку молока, сделал глоток. — Мы с нею пили вино, наслаждаясь лунным светом.

– Да я уже нашел пустые бутылки и твою рубашку на улице. – улыбнулся как-то принужденно Яргул, поднял левый уголок рта.

– Я просто спал рядом с нею. А она спала на моей груди, и её волосы так приятно щекотали тело. – задумчиво улыбнулся он, набрав в легкие воздух. — До сих пор чувствую на себе её сладкий запах!

– Ну понятно! – всё так же неодобрительно говорил блондин. —Смотри-ка, не влюбись в девушку!

– Скажи-ка, братец, ты часам не ревнуешь? Я смотрю, ты сам к ней неровно дышишь! – засмеялся Видагор, допив молоко и поставив кружку, снова закинул ноги на стол. —Это что еще ты про меня ей наговорил? Якобы я оборотень. Превращаюсь в мелкого котёнка, ай как страшно! – продолжал смеяться мужчина. —Это из-за тебя она пристала ко мне ночью! Пришла такая храбрая и говорит: „Отвечай, зачем ко мне ночью приходил!“ А потом еще всё моё вино выпила, зараза!

– Ну извини, брат. Не думал, что она это всерьез воспримет. – расхохотался Яргул. —И кстати, где этот паразит? Со всем мышей не ловит! – Его голос игривой, звонкой ноткой разлетался по комнате, эхом отгалкиваясь от стен.

– Спит где-то. – ответил Видагор, поднявшись со стула. — Пойду-ка, и я посплю часок-другой. —Он снова размял плечи, что до сих пор сводило судорогой.

Видагор ушел, а Яргул, постояв пару минут, словно обдумывая свои будущие действия, пошел вверх по лестнице и, медленно приоткрыв дверь, вошел в комнату к девушке, присев рядом с нею на кровати. Он окинул её взглядом каким-то пустым, спокойным. Казалось, временами он менялся. Становился серьёзным. Та весёлость, та игривость, что он позволял проявляться во всей красе в его шутках, в его улыбке, в блеске глаз, исчезала, пропуская на первый план

мрачную его сторону. Хмурую, злую. Медленно протянув руку, он коснулся пальцами седых прядей волос, слегка накручивая их на кончике пальца. Казалось, он чувствовал её уникальность. Понимал, что она не просто деревенская девушка, что присылал им князь до неё. Что что-то её отличало от всех живых. Её блеск глаз, что, казалось, наполнялся искорками миллиарда звёзд, её запах, подобный распускающемуся цветку, соблазняющему пчел. Её волосы, что так подошли своим сочетанием седых прядок среди черных локонов на крылья хищной птицы. — Яргул? Что ты тут делаешь?! — девушка, лишь слегка приоткрыв глаза, прошептала, увидев рядом блондина, но, резко осознав, что он рядом, проснулась, отстранившись и прикрывшись до ушей одеялом.

– В общем, ничего. Хотел узнать, что же ты за существо такое? Мой брат тоже хорош, провел ночь в твоей кровати. Но он никогда не откажется от обряда, даже не думай! – поднялся он на ноги, громко заговорив. — Я не могу понять, что ты такое, почему твой запах привлекает лесных тварей.

– Я всего лишь жалкое подобие человека, который не хочет признавать свою безысходность! – ответил еле слышно, Ива подползла к краю, свесив ноги вниз. — Я понимаю, почему ты так говоришь. Ты думаешь, что я боюсь смерти. Что я цепляюсь к вам обоим. Игриво улыбаюсь в надежде, что хоть один из вас обратит внимание. Полюбит. Спасет меня от участи быть отданной лунному духу. Но это не то, что тебе кажется.

– Что же? – хмыкнул он, успокоившись и приземлившись перед нею на колени, словно вымаливая взглянуть в его глаза, смотрел на нее. — Поведай мне то, что я не могу до сих пор понять.

– Яргул, – протянула девушка на вдохе, позволив его ладоням обвить пальцами её руку. — Ты мне нравишься, и... Скажу тебе то же самое, что вчера говорила твоему брату. Вы мне нравитесь оба. Вы хорошие люди. Хоть и пытаетесь казаться злыми и кровожадными. Я вижу, что вы страдаете. Одиночество делает вас такими. И одиночество делает меня такой. Я устала. Я не хочу больше. Поэтому я скажу тебе так. Я хочу, чтобы вы успокоились, чтобы привели свои чувства в порядок и выбросили все лишние мысли из головы, что могут помешать завершить обряд. Потому что я хочу умереть сегодня ночью. Я хочу отдать свою душу и тело лунному свету, исчезнуть. И я повторю. Вы мне нравитесь, но я не люблю ни одного из вас как мужчину. Моя игривость и любопытство – это лишь отголоски моей юности, не более.

– Спасибо! – улыбнулся он, продолжая сжимать её ладони. Его взгляд, наполненный странной болью, заставляли девушку нервничать, ненароком думая, что могла грубостью его обидеть. Но он улыбался и не спускал с нее глаз, отпустив ее руки. — Прости! Я на секунду подумал, что ты, как все остальные. Те девушки, что были до тебя, были готовы на всё ради спасения жизни. Но ты. Ты прекрасна! Я рад, что мы сумели понять друг друга. И мне больше не придется

касаться тебя, лишь бы узнать твои мысли. Мысли, что приносят мне боль.

– Я понимаю. – проскулив, сказала она, подняв ноги на кровать и снова завернувшись в одеяло.

– Я принесу тебе платье чуть позже. Сейчас мне надо подготовить алтарь к ночи. – Молодой человек поднялся с колен, направившись к выходу.

– Ой! Платье! – словно подпрыгнув, Ива спрыгнула с кровати и, подбежав к валяющемуся на полу возле окна красному платью, подняла его, разглядывая пятно от вина. — Возможно, я смогу отстирать это пятно!

– Это всего лишь тряпка. – хмыкнул парень, окинув её взглядом, что снова засиял прежней игривостью. — Брат проспит до вечера, а я буду занят несколько часов. Так что дом в твоём распоряжении. Можешь делать всё, что сочтёшь нужным. А вечером я принесу тебе платья для обряда. – На что девушка, кивнув головой, оставила платье в покое, вернувшись под одеяло так же быстро, как до этого бежала к платью. От чего его улыбка стала шире, он молча качнул головой и, закрыв за собой дверь, оставил её одну.

Она тихо лежала, уткнувшись носом в подушку, словно стараясь казаться незаметной. Свет солнца постепенно завладевал помещением, еще такой теплый и ласковый, казался сейчас ей совсем не нужным. Пугающим. Из-за чего боль, расплываясь по сосудам, пробиралась до самого мозга. Но резкий звук, громкий, разорвал нить боли, поглоща-

ющей её разум. Ива поднялась и медленным шагом, пройдя по комнате, приоткрыла дверь, выглянув. Пустой коридор казался более длинным, чем раньше, более темным и страшным. — Кто тут? — громко произнесла девушка, но лишь эхо ответило ей звонким отголоском, отражаясь от стен, повторяло её фразу. Казалось, она, стараясь не думать о страхе, вышла из комнаты и прошла по коридору. Тишина поглощала её, позволяя боли снова завладевать её рассудком. Девушка спустилась по лестнице, слегка придерживаясь за перила рукой, вышла в открытую дверь дома, остановившись на полянке перед домом. — Видагор? Яргул? Это вы? — огляделась она вокруг. Но никто не отвечал. Лишь хлопанье склизкой болотной воды периодически нарушало тишину. Птицы и насекомые утихли, даже ветерок, что минуту назад играл с растрёпанными локонами её волос.

— Я уже забыла, как выглядит солнечный свет. — раздался женский голос со стороны болот. — Режет глаза до боли, но это всё же приятнее, чем тьма.

Ива, дернувшись, резко обернулась. Перед ней стояла очень красивая женщина с густыми, длинными, белыми волосами, в тон белого цвета платью, одетому на ней. — Ты... — протянула Ива, внимательно разглядывая женщину. — Я тебя знаю! Ты Ева. Я видела тебя на картине.

— Знаешь моё имя. — Женщина улыбнулась слегка и с некой грациозностью кошки, касаясь земли босыми ногами, обошла её кругом, окинув девушку оценивающим взглядом.

дом. — Что-то в тебе есть особенное. Настолько, что мои братья даже рассказали обо мне, моей сестре.

— О чем ты говоришь? — Ива так же не спускала глаз с женщины, словно привороженная тем светом, что излучала её кожа. — Яргул мне рассказал несколько историй о своём отце, о сестрах. И, честно говоря, не думаю, что большая часть его слов была правдивой.

Ева хмыкнула слегка, скривив улыбку. После чего, сцепив руки за спиной, отдалилась от девушки на несколько шагов. — Но, тем не менее, ты знаешь больше, чем думаешь, — она подошла к дереву, на котором дремал крупного размера мохнатый мотылёк, сжав плотно свои крылышки, пытается слиться с корой. — К сожалению, есть то, о чем Яргул не соврал тебе, верно? — тогда она протянула руку и слегка коснулась крылышка пальцем. Мотылёк расправил крылья в попытке взлететь, но тут же высохнув, рассыпался в пыль.

— Вы и вправду несёте смерть, но Яргул говорил, что вы заключены в этой земле и что лишь свет полной луны на несколько минут освобождает вас? — Ива сделала пару шагов вперед, но взгляд женщины, что наполнился грустью, остановил её. — Простите! Я слишком много говорю ненужных слов! Я не хотела расстраивать.

— Это не страшно! — Ева снова улыбнулась, с трудом пробиваясь через ту грусть, что овладела ею. — Я пришла к тебе, потому что земля чувствует тебя. И лунный дух. Он знает твои мысли, твои желания. — Ева подошла к девушке макси-

мально близко и, сняв с шеи амулет на тонкой серебряной цепочке, показала девушке. — Я здесь, чтобы отдать тебе это. Символ демонов. Он знает, о чем поёт твоя кровь, и ждет твоего прихода. — Ива слегка коснулась пальцами зеленого камня, обрамленного серебряными паутинками, что сотворили некий причудливый узор. Ева отпустила цепочку и сделала несколько шагов назад, остановившись у кромки болота. — Он верит в твою сильную душу и сердце! — Ева сделала еще один шаг назад, вступив ногами в липкую вязь болота. — Я знаю, что ты всё сделаешь правильно. — И в тот же миг зеленая вода болот поднялась столбом, полностью поглотив женскую фигуру, затащила на дно. Ива, вернувшись в комнату, легла на кровать, опрокинувшись спиной на одеяло. Разглядывая кулон, пытаюсь проникнуть в суть слов женщины. Что значит её кровь для мира демонов, для этой проклятой земли и болот. Почему столько вопросов и все без ответа останутся в её голове навсегда. Для чего всё это. Но вот мысли ушли, голова опустела, и ветерок, что залетал сквозь узкую щель приоткрытого окна, поглаживая её щеки, утягивал в сон. Она уснула безмятежным спокойным сном. Как когда-то совсем давно, когда была еще жива её мать. Когда её жизнь еще не была наполнена разочарованием и болью.

Часть 3 Лунная дева

Очнувшись ото сна, Ива слегка приоткрыла глаза, вокруг

царила темнота, уже наступил вечер. — Я весь день проспала? — словно не понимая, как такое могло случиться, прошептала девушка и, поднявшись с кровати, подошла к окну, закрыв его. Вдруг тусклый свет пробежал где-то сзади, рисуя пугающими силуэтами растянувшиеся тени, она обернулась и увидела его. Яргул молча стоял возле двери, держал в одной руке свечу, а в другой — белое платье. — Яргул? — всё так же тихо проговорила она, не отрывая взгляда от молодого человека.

— Я принес тебе платье, — столь же тихо сказал он и, сделав несколько шагов по комнате, положил платье на край кровати, после чего прошелся, зажигая на столиках свечи в подсвечнике. Свет свечей, возрастая, сделал комнату более светлой, хоть и не мог осветить его полностью. — Одевайся, я приду за тобой позже.

— Конечно, — девушка опустила в пол глаза как-то смущенно, неуверенно. — Яргул, я хотела спросить, или, может, даже попросить, — её прерывистый голос заставил молодого человека остановиться, посмотреть на неё. — Я заметила, что в доме нет ни одного зеркала. И потому хотела спросить, может, хоть малюсенькое зеркальце найдется, хотелось привести волосы в порядок, лицо.

— Я поищу, — сухо ответил он, после чего сразу ушел. Кажалось, им снова овладевала та самая тревога и грусть, что временами мучала его. Какие видения видел он в эти моменты, что именно скрывала та боль, что четко читалась в его

печальных глазах.

Ива снова вспомнила слова беловолосого демона, и снова в ней возникли старые вопросы. Что значили её слова? Кто так жаждал видеть её настолько, что даже на время снял оковы земли, выпустил Еву на волю? И почему Ева, почему именно тот демон, что так боится прикоснуться к смертным существам и выпитать их жизнь? Почему она, мечтающая о гибели, не может быть упокоена на века? Почему никто не позволял ей умереть, оставить эту невыносимую муку – видеть и чувствовать, и бояться? Бояться саму себя, бояться жить как человек или упиваться болью как демон? Медленными движениями рук она подняла с кровати белое с расшитым бисером треугольным воротом платье. Одев его, расправила юбку и, поправив широкие рукава, взяла со столика расческу, принявшись расчесывать запутанные длинные волосы. Ну вот, дверь снова распахнулась, и на пороге опять показался Яргул с большим и явно тяжелым зеркалом, которое он с трудом затащил в комнату. Поставил в угол возле столика, на котором лежала до этого расческа. — Что сумел найти! – Его голос снова был весёлым и дружелюбным, что Ива, ненароком улыбнувшись, подошла к нему, обняв.

– Спасибо, Яргул, большое спасибо! – Словно промурлыкав, проговорила она, отпустив его и сделав шаг в сторону, посмотрела на своё отражение.

– Ты очень красива! – не убирал улыбки со своего лица молодой человек, но девушка, казалось, наоборот расстрои-

лась, казалось, собравшись пустить слезу. —Что такое? Что случилось? — но девушка, лишь покачав головой, закрыла ладонями лицо, слегка захлюпав носом. Тогда Яргул, приблизившись к девушке и сжав её ладони в своих ладонях, опустил перед ней на колени. —Не думай ни о чем, отпусти мысли! — на что она качнула головой, обещая успокоиться. —Ты так красива в этом платье, что затмишь даже сияние полной луны. “Настоящая лунная царевна”, — говорил он тоном, наполненным восхищения, восклицательным и громким. —О! Великолепная лунная дева, озари нас своим светом и одари жизнью нашу черную кровь! Я приклоняюсь перед твоею добротой и чистой душой...! — от его слов, звучащих так наигранно и нелепо, Ива рассмеялась, забыв о прошлой грусти. —Во! Так лучше! — немного затихнув, сказал он, поднявшись на ноги и поднеся её ладони к своему лицу, поцеловал слегка краешек её пальцев, почти у самых ногтей.

— Что с твоими руками? — вдруг ощутив шершавость его ладоней, спросила девушка, после чего, развернув его кисть, взглянула на ладони. Кожа наполнялась трещинками и красными пятнышками ожогов от крапивы.

— Ничего страшного! Просто много крапивы и осоки по-вырастало за пять лет у алтаря. А я не хотел, чтобы тебе пришлось пробираться через все эти заросли, вот, выдернул всю траву. Мне совсем не было больно! — тогда он отпустил её руки и, слегка попятившись назад, снова улыбнулся. —Я жду тебя внизу! — после чего исчез в темноте дверного проема,

оставив дверь открытой.

Вернувшись к кровати, Ива снова взяла расческу в руки, и тут, заметив зеленый блеск посередине кровати, где-то в складках одеяла, отдернула его и, нагнувшись, протянув руку, подняла тот самый амулет, что утром дала ей Ева. Он, казалось, моргал, плавно то затухая, то зажигаясь, словно призывая взгляды в него, не отводя глаз. Тогда она надела его себе на шею и, спрятав за белой тканью ворота, сжала крепче расческу в руках и, подойдя к зеркалу, расчесала волосы. Словно находясь под чьими-то чарами, девушка положила расческу на столик и, взгляды в свое отражение в зеркале, принялась заплетать косу. —Ива? – раздавшийся сзади голос Видагора, оборвавшись струной, нарушил те чары, что овладевали девушкой, и она, словно задыхаясь, словно разучившись дышать, смотрела на его отражение в зеркале. От того красивого мужчины не было и следа, его лицо покрывали толстыми прожилками ярко выраженные шрамы, спускаясь ниже по шее, пробираясь под рубашку. —Откуда здесь зеркало! – закричал он, наполняясь злостью. —Это Яргул его принес, да? Специально, чтобы меня разозлить! – и, быстрым шагом подойдя к девушке, развернул ее к себе лицом, затряс за плечи. —Он рассказал тебе о проклятье лунного духа, да? Отвечай!

– Я всего лишь хотела привести себя в порядок, – тихо ответила девушка, подняла на него наполненные слезами глаза. —Он мне ничего не говорил. Ничего. – Опустила она

в пол глаза, вырвавшись из его рук и отойдя на несколько шагов к двери. — Лунный дух проклял ваш род. Обрек на одиночество? Верно?

— Что ты можешь понять? Каждый первенец в нашем роду будет уродом. А я не хочу! Да! Я заключил договор с духами и убиваю ради того, чтобы никто не видел меня таким! — указал он пальцем в свое отражение в зеркале.

— Это единственное, что ведет тобой? Ради этого ты возобновил ритуал и убиваешь невинных девушек столько лет? Я и не могла подумать, что причины настолько низки и приземлены. Но как бы ты ни старался. Как бы ни скрывал свои мотивы, они лезут на поверхность. Ты думаешь, что скрыл свое истинное лицо? — громко говорила девушка, указав рукой на зеркало. — Все нет, все то уродство я вижу сейчас не в зеркале, а перед собой! — Тогда она вышла из комнаты, с силой хлопнув дверью, так, что она, с громким стуком ударившись о дверную коробку, снова открылась.

Тогда Видагор, взяв со столика подсвечник, бросил его в зеркало. Мелкими блестящими осколками оно разлетелось по комнате, расстилаясь по полу. Огонь от свечей, слегка приевшись к деревянным доскам пола, медленно затихал, не в силах разгореться пламенем, пока не потух целиком.

Там внизу, у края лестницы, он слышал громкие голоса: «Яргул, пойдем быстрее. Я хочу уже покончить с этим!»

Он упал на край кровати, протирая руками лицо, словно сильная головная боль сдавливала его голову. Створки окна

резко раскрылись, впустив прохладный осенний ветер, что, резко задув свечи, опустил всю комнату в темноту. Видагор поднял спину, вглядываясь в окно. Наблюдая, как сильный ветер парусом надувает тюль, швыряя ее в стороны. И тут на подоконник приземлилась большая птица. Угукнув разок, филин повернул голову вбок, разглядывая мужчину. — Что тебе надо, глупая птица! — резко высказался Видагор, не спуская хмурого взгляда с птицы.

Филин в тот час же, расправив широко крылья, махнув ими пару раз, залетел в комнату, приземлившись на полу. Он сделал несколько шагов, тяжело переваливаясь с боку на бок, после чего снова широко расправив крылья, махнув ими, обернулся человеком. — Вот как вы, колдуны, относитесь к духам лесным?

— Что здесь тебе надо? Мы не нарушали договора, мы не трогали лесных тварей, — тише заговорил Видагор более почтительным, хоть и пропитанным нервными нотками голосом.

— Вы забрали у меня нечто более ценное! — грубо ответил Филин и, приблизившись к мужчине, навис над ним, на что Видагор покачал головой, не понимая. — Где моя дочь? Черти видели ее здесь!

— Твоя дочь? — казалось, Видагор никак не мог понять, чего от него хочет демон. — Ива? — произнёс он неуверенно. Но когда поднял глаза, читая злость в блеске глаз филина, он покачал головой. — Сегодня полная луна. Князь при-

слал её нам в жертву лунному духу. Мы не знали, что она твоя дочь. – Жестом руки он показал демону, что хочет подняться, и, поднявшись на ноги, пошел к выходу. – Пойдем со мной. Надеюсь, мы не опоздаем. – Он не смотрел на Филина и, медленно спустившись по лестнице, пошел через болото по узкой тропинке, лишь иногда оборачиваясь, словно проверяя, идёт следом за ним филин.

Яркий свет луны медленно подползал к белому камню алтаря. Это был большой, вытесанный ровными краями камень, казалось, глубоко врос в землю, покрывшись зелёным мхом у подножья, полностью завоевав тот кусочек суши, на котором лежал. Вокруг него торчали в разные стороны поросль болотной травы, смешанной с тростником и камышом, а чуть сбоку – жирные кусты крапивы. Гладкая вода болота наливалась ярко-зелёным оттенком, отражая лучи лунного света. Широкая водяная гладь словно отталкивала от себя растущие по берегу деревья, отчего те, накренившись, были готовы упасть в воду. Огромных размеров луна уже была совсем близко, показавшись наполовину из-за густых ветвей деревьев, словно нашёптывая опадавшими листьями легкую фразу: «Я уже иду!»

Сейчас он сам не мог понять те чувства, что испытывал, тот, что и сам любил убивать, забирать души людей, играть с чьей-то судьбой. Он что, без сожаления насылал наваждение на заблудившихся детей и отдавал их на съедение чертям? Казалось, сейчас не мог сдерживать эмоций. Идя по уз-

кой тропе, с обеих сторон которой простилалась гладь болот, он наблюдал, как молодой колдун, посадив девушку на камень, целует её руку, и она, улыбаясь ему, готовая пожертвовать свою жизнь, ложится спиной на белый камень. Как словно рассыпаясь, юбка платья сползает вниз, свисая, достаёт краем подола до самой земли. И как сильно начинает биться сердце при скользящем отблеске приближающегося света луны. —Ива! – не сдержавшись, крикнул Филин и, протолкнув вперед Видагора, заставив идти его быстрее, подбежал к ней, заставляя поднять спину. Девушка спустила ноги вниз, напрочь отказываясь слезать с камня, глядела на мужчину взглядом, полным непонимания, и я бы даже сказала, некоего призрания. Казалось, она совсем не желала его сейчас видеть. —Ты не должна этого делать! – приказным тоном проговорил он, взяв девушку за руку, заставляя её слезть с камня, но она, сопротивляясь, отдернула руку.

– Почему? – недовольно спросила она, словно заставляя его говорить правду. —Что для тебя может значить моя жизнь?

– Ты моя дочь! – ответил Филин. —Твоя мать не говорила тебе этого! И я не стал рассказывать, думая, что так будет лучше для тебя. – Его голос был грубым. —Ты не должна здесь быть! Идем со мной!

– И что же? – хмыкнула девушка, сложив руки на груди. —Ты думал, рассказав мне это, я пойду с тобой? Зачем? Для чего? – так же грубо ответила Ива. —Я знаю, что ты

мой отец уже очень давно. Мать мне рассказывала всё о тебе, о том, кто ты, почему так редко приходишь! И я до сих пор не могу её понять, хотя она так делала, потому что любила тебя! Но я... – протянула девушка, словно набираясь смелости, чтобы продолжить фразу. — Я тебя не люблю! Я тебя не считаю отцом! Ты мерзавец, что использует людей! – тогда она посмотрела на Видарога, что смотрел на неё щенячьим взглядом. — И ты мерзавец! – хмыкнула она, но, обратив свой взор на Яргула, желая повторить фразу, лишь улыбнулась. Наблюдала, как он, поклонившись ей, встал на колени. — И ты еще тот мерзавец! – с улыбкой сказала она. Тогда она снова легла на камень и закрыла глаза. Лунный свет медленно покрывал её тело, словно одеялом, пока полностью не покрыл камень. — Яргул, пожалуйста, сделай это ради меня! – проговорила она полным уверенности голосом. Но Яргул, вздохнув, подошел к ней вплотную и положил кинжал на её грудь.

– Я не хочу тебя убивать! – ответил он, опустив глаза. — Рука не поднимается. – Но лунный свет, казалось, овладевая телом девушки, проникая в каждую клеточку её кожи, заставлял, казалось, овладевал её разумом. Ива взяла в руки кинжал, и сама пронзила свою грудь. Лезвие вошло в тело. Девушка всхлипнула, слегка, почти неслышно, вынимая из тела кинжал, и, казалось, было слышно в гробовой тишине, как лезвие скребет о кости. Красным ручейком кровь хлынула из раны на её груди, окрашивая белоснежную ткань

платья в красный цвет. Она обмякла и, выпав из расслабленных рук, кинжал вонзился лезвием в землю. В тот же миг воды болот словно закипели, забурлили, выпустив на свободу двух сестёр.

– Она действительно сильная, – проговорила черноволосая девица. —Братья, не пора ли забрать её душу? – её голос тянулся скрипящей мерзкой песней, вонзаясь в уши, причиняя боль.

– Её душа не для тебя, – возразила сестре блондинка, окинув взглядом филина, что, не скрывая своей увлечённости её персоной, не спускал с неё глаз, что явно злило Киру, её сестру.

Лунный свет засиял ещё ярче, мерцая переливами, отражаясь от зелени болот. И вдруг яркий свет приутих, потускнел слегка. Она вздохнула и подняла спину, спустив ноги с камня, сидела на краю, оглядывая болото так, словно видела их в первый раз. После чего, спрыгнув с камня, принялась разглядывать кровь на своих руках. —Ива! – дрожащим голосом произнёс Филин, что заставило девушку поднять на него глаза. Она неестественно наклонила голову, как птица, продолжая разглядывать свои руки, неестественно изгибая пальцы, казалось, играя с лучами лунного света, после чего снова посмотрела на демона, покачала, отрицая, головой. От чего мужчина отступил.

– Я благодарен тебе за это тело, – шепотом проговорила она, но голос был не тот, что раньше. Он был сухой, протяж-

ный, тихий. —Твоя кровь помогла мне получить эту плоть, еще такую теплую. Она была рада уйти со мной, не боролась ни секунды.

– Лунный дух, – прошептал Филин, и все в ту же секунду встали на колени перед нею.

– Я наконец получил то, что жаждал сотни лет. Теперь я готов исполнить желание. Последнее желание этой девушки. – Она медленным шагом подошла к Филину, обойдя его вокруг, провела пальцем по его плечу. Я освобождаю сестер из плена земли и болот, и будут отныне они свободно ходить по земле под светом солнца и луны, но стоит им нарушить клятву лунной девы, они обратятся в тень, пустую, бестелесную, безжизненную. Ты, мой друг, – обратилась она к Филину, встав перед ним так близко, что можно было разглядеть, как горят в её глазах миллиарды звезд. —Она хотела, чтобы ты знал. Она прощает тебя! Она не сердится! Хотя ты и был ужасным отцом, ты всё же проводил её в последний путь. Она сказала мне, ты достоин. Она называла тебя отцом. А ты, Видагор! – прошла она дальше, остановившись возле старшего колдуна. —Ты не хочешь быть таким, хочешь быть человеком, не иметь отношения к проклятьям, жертвоприношениям. Она показала мне твой страх, твою боль. Я подарю тебе другую жизнь. – Тогда она заставила мужчину подняться на ноги и, поцеловав его в губы, высосав из него всю черную кровь. Он упал на колени, задыхаясь, но девушка снова заставила его подняться на ноги, прижала к себе, заставляя

смотреть в её глаза. Ярким блеском лунный свет вошел в его тело, пронзив насквозь. Он упал на землю, еле дышал. — Когда черная кровь уйдет полностью из твоего тела, ты умрешь и возродишься новым человеком. Я дам тебе власть. Отныне эти земли будут твоим царством. Люди будут называть тебя своим солнцем. Царем, подаренным им небесами. Но раз в пятьдесят лет я буду приходить за новой жертвой. И будет в твоём роду рождаться на свет лунная царевна, красотой способная затмить небо, и будет она обречена на безбрачие и бездетность, так я назову её своей невестой в её тридцатипятилетие. Должен будешь ты, — указала Ива указательным пальцем на Яргула. Тогда она подняла кинжал с земли и разделила его на две части, словно размножив, протянула оба кинжала ему. — Единственный колдун черной крови, принести деву на этом алтаре мне в жертву. Один кинжал дарует жизнь, второй отнимает жизнь. И убить тебя можно лишь им. Так же, как и лунную царевну. И тогда я заберу её кровь и душу себе. Отдав вам одно желание, последнее желание лунной девы. — Она отошла в сторону и снова неестественно переворачивая руки, разглядывала их. — Мой закон нерушим. Мой подарок вам — эта новая жизнь. Для каждого из вас, как хотела Ива. Я исполнил её желание. Теперь ваша очередь сделать так, чтобы эта светлая душа не разочаровалась в вас полностью. Иначе она погаснет и исчезнет навек. А пока что, глядя на полную луну, вы сможете увидеть её в лунном свете. — Лунный свет снова стал ярким и, медлен-

но сползая с белого камня алтаря, уносил с собою образ девушки.

— Так что же? — Кира прильнула к руке филина, заигрывая, улыбаясь широкой улыбкой. — Не пара ли нам освободить этот город для нового царя? Я с удовольствием заберу жизни у всех, кто когда-либо обижал твою дочь или её мать! — она оглянулась, посмотрев на сестру, чей взгляд явно наполнялся разочарованием. — А ты? Ева. Ты пойдешь с нами? — На что девушка покачала, отрицая головой, и обхватила руками плечи, словно желая согреться от холода, побрела в сторону дома. — Как хочешь!

Воля лунного духа была исполнена в ту же ночь. И, как он говорил, так и было. Видагор обрел новую жизнь, без проклятья, уродства, без колдовства. И, как и было сказано, раз в пятьдесят лет рождалась лунная царевна, прекрасней которой не видел мир. Но обречена она была умереть на алтаре в лунную ночь. И так было, и будет вовек.

Так и Яргул, нашедший свою любовь спустя много лет, казалось, был готов забыть о жертвах лунному духу, но она умерла в ту ночь, когда подарила ему сына. Первенца, что, взяв с черной кровью проклятье рода, родившись горбатым, пугающим на вид, продолжил дело всех колдунов. Но он искал более сложный путь для себя, и более мрачные цели прокладывали путь его жизни. Зулул не знал любви и не жалел об этом, и лишь Ева стала спутником по тому темному пути. А Кира осталась в старом домике колдуна, не желая видеть

ненавистную ей сестру.

Но каждые пятьдесят лет колдун возвращался в топкие воды проклятых болот и приносил новую жертву лунному духу. И учился колдун, как продлевать жизнь свою, как поглощать души, как делать из людей своих рабов и как творить заклятия на черной крови. Каждый раз, делая записи, он хранил свои дневники в подвале старого домика. Изучая животных и птиц, разрезая грудные клетки людей, заменяя органы и сшивая вновь, оживляя и умерщвляя вновь. Ставил свои беспощадные опыты. Он был тот, чей разум был пуст. Чьё сердце не билось вовсе. Колдун, которого боялись лесные твари и духи. Тот, без кого не продолжилась бы и моя история...